

Журнал ПУ

Что там Телька читает целый день,
не может оторваться?

Да про какого-то художника...
Давайте лучше на озеро сходим!

Между прочим, настоящий детектив!
Я залезнул, там какой-то заброшенный дом...

Заброшенный дом художника?

Да нет же, это другой.

Ну-ка, подвинься... А, я понял: этот
таинственный старик и есть Библиотекарь!
А заброшенный дом...

Ничего подобного! Ты всё перепутал!

Ну я же не с начала читал...

А надо с начала! Подожди, скоро закончу —
и тебе отдам.

И мне!

И мне тоже!

Я ТОЖЕ НАСТАЯЩИЙ ДЕТЕКТИФ!

ISBN 978-5-907362-03-1

9 785907 362031

дом художника Мухина

дом Анто́на

станция

ул. Пуго́вая

Тамара Михеева

Тайник в доме художника

Иллюстрации Екатерины Варжунтович

Москва • 2020

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Михеева, Тамара.

М69 Тайник в доме художника : [для мл. и сред. шк. возраста : 6+] / Тамара Михеева ; ил. Екатерины Варжунтович. — М.: Пять четвертей, 2020. — 208 с. : ил.
ISBN 978-5-907362-03-1

Семья Крымовых приезжает на лето к бабушке. Её дом с башенками и Комнатой-без-углов — не просто дача, а без пяти минут филиал Третьяковки: раньше он принадлежал художнику Мухину, бабушкиному учителю. Пятеро ребят и верный пёс Джетро, кажется, уже изучили дом вдоль и поперёк, но он продолжает хранить секреты. Однажды в дачном посёлке появляется сразу несколько загадочных незнакомцев, а собрание картин бесследно исчезает...

Тамара Михеева — автор более двадцати книг, финалист премии имени В. П. Крапивина, лауреат Национальной премии «Заветная мечта» и литературной премии имени С. В. Михалкова. Её повести давно полюбили читатели всех возрастов. Писательнице хватает всего нескольких мастерски подобранных фраз, чтобы создать живой, почти осязаемый образ. Обострённые до предела чувства, желание жить здесь и сейчас, внимание к окружающему миру во всём его многообразии — вот что движет подростками, о которых она пишет.

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907362-03-1

© Михеева Т. В., текст, 2020
© Оформление. ООО «Издательский дом
«Пять четвертей», 2020

Глава первая,

*в которой Крымовы приезжают на дачу,
а бабушка Лёля рассказывает истории*

Сверкающий микроавтобус свернул с асфальта и врезался в мягкую дорожную пыль посёлка, как лодка в воду. Пассажиров слегка качнуло, и мама глянула на спящего Матвейку: не проснулся ли? Гошка сделал вид, что никакого толчка не заметил, а Гелька, нечаянно заехавшая Енеше локтем в бок, получила в ответ сложенным веером по голове.

— Ай-я! — вскричала она и двинула сестре кулаком в плечо.

Енеша в долгу не осталась и толкнула Гельку со всей силы: если бы не ремень безопасности, та точно свалилась бы на пол.

— Ты обалдела совсем?!

Проснулся и захныкал Матвейка, мама сердито шикнула на девочек, они хором принялись объяснять ей, кто виноват.

— Сумасшедший дом, — пробормотал Гошка, не отрывая глаз от окна.

В это время микроавтобус подъехал к странному дому за зелёным забором, и папа, резко затормозив, сказал:

— Всё, вылезайте, спиногрызы.

Семья Крымовых прибыла на дачу.

Дача располагалась в садоводческом товариществе НИИ, что расшифровывалось как «Наука и Искусство». Здесь жили профессора, учёные, писатели, художники, музыканты. Родители Крымовы были далеки и от науки, и от искусства: мама работала конструктором на заводе, а папа — экономистом. Но зато бабушка...

Бабушка у Крымовых была просто клад! Она носила двойную фамилию Петрова-Метерлинская, коллекционировала старинные открытки, называла себя «вольным скульптором» и умела печь имбирное печенье. Но самое главное: у неё был

этот огромный и, как говорил папа, сверхсказочный дом в великолепном месте, почти на берегу озера, и можно было привезти сюда на всё лето детей. Бабушка совсем не возражала против их шумного общества. Только не разрешала заходить к себе в мастерскую — угловую комнату, самую солнечную и просторную. Но и без мастерской всем детям Крымовым было чем заняться.

— Не знаю, что бы мы без тебя делали, мама, — повторяла мама Крымова.

— Да, спасибо вам огромное, Ольга Львовна, что берёте на себя такой груз, — смущённо вздыхал папа Крымов. Он чувствовал себя неловко, что оставляет на тещу-пенсионерку четверых оболтусов.

— Ах, перестаньте, Миша, что за раз-

говоры? — отмахивалась бабушка и доставала из духовки рогалики, яблочный штрудель или печенье. — Лучше на стол накройте.

Папа Крымов кидался в гостиную, или, как её называли здесь, Комнату-без-углов, потому что она и правда была круглая, отодвигал стулья от круглого стола, стоявшего посередине, доставал из комода у стены белоснежную скатерть — других бабушка не признавала — и, как парусом, взмахивал ею над столом.

— Красота! — неизменно говорила мама Крымова и бежала на кухню за тарелками, блюдами, блюдами, чашками, ложками, пузатым чайником и вазочками с вареньем. Потом папа торжественно вносил настоящий самовар, в котором кипела от горячих углей вода, и бабушка Лёля кричала на весь огромный дом:

— Дети! К столу!

Только бабушке Лёле было позволено называть их «дети».

Бабушкин дом был такой же странный и такой же замечательный, как и сама бабушка. И внуки любили их вместе, нераздельно.

По семейной легенде, первый раз они приехали сюда лет тринадцать назад. Хотя, сказать по правде, тогда мог приехать только Гошка, и то в животе своей мамы. Просто тринадцать лет назад бабушка стала полноправной хозяйкой. История про дом — любимая сказка на ночь...

— Это дом моего учителя, — каждый раз в грустной задумчивости начинала рассказывать бабушка Лёля. — Он был уже очень стар. И очень одинок. Трое детей, восемь внуков, правнуки... но... все они жили слишком далеко, чтобы его навещать. Я приезжала к нему на выходные. Привозила абрикосовое варенье и тульские пряники — он очень любил пить с ними чай. Однажды за чаем он сказал мне: «Лёля, мои дети такие богатые и занятые люди, а я скоро умру. И тогда они продадут дом, чтобы избавить себя от лишних забот. А я не хочу. Этот дом построил своими руками мой дед, по кирпичику, и любил он его не меньше, чем кум Тыква свою лачугу... А отец достраивал его всю жизнь, потому что у нас была большая семья и много родственников, которым вечно негде

было жить. Я здесь родился и вырос. Здесь я написал свои лучшие картины и встретил свою единственную любовь. Пусть дом будет твоим, раз он не нужен моим детям. Только не продавай его. Не хочу, чтобы он попал в неизвестно чьи руки».

В тот день мы первый раз с ним поссорились. У него трое детей, восемь внуков и правнуки, а он собирается отдать дом мне! Одной из сотни своих учеников!

«Зато ты самая талантливая, — сказал учитель в ответ на мои возражения. — А мастерской своей у тебя нет. И неизвестно, будет ли. Талантам, Лёля, надо помогать, бездарности пробьются сами». Но, конечно, я не согласилась. Пригрозила даже, что больше не приеду в гости. А остаться в таком возрасте без абрикосового варенья очень трудно.

А потом он умер. На похороны приехал только один его сын с женой и сыном, чудный мальчик, ясноглазый такой... как его звали? Запомняла... И вот этот Макс Петрович, такой весь затянутый в костюм, застёгнутый на все пуговицы, долго по дому ходил, осматривал,

считал. Я спрашиваю его: «А что будет с домом? Неужели продадите?»

«Вообще, — сказал он, — выгоднее снести и продать землю. Сам дом — несуразная развалюха, за него и гроша ломаного не дадут».

— Так и сказал? — перебила Гелька бабушку.

— Так и сказал! «Несуразная развалюха»! А вот мне нравится!

— И мне! — подал голос Матвейка из своей кроватки в углу.

— И мне нравится! И мне! — хором подхватили Гелька и Енеша и тут же надулись друг на друга.

Гошка промолчал, но было и так понятно.

— Я долго его убеждала не сносить, рассказывала, как дорог был дом его отцу, как тот провёл здесь последние годы, и предлагала сделать в доме музей.

«Ах, милочка, — брезгливо ответил мне Макс Петрович, — мой отец хоть и талантливый художник, но всё же не настолько, чтобы на его музее можно было заработать. Это нерентабельно. Впрочем, если вам так хочется, могу продать вам дом с участком». Потом

он ещё что-то посчитал в своём калькуляторе и добавил: «Могу даже в рассрочку».

— И ты согласилась! — сказали близняшки хором.

— Конечно! Вот уже тринадцать лет выплачиваю ему... на создание музея денег, конечно, нет... Ну ничего! Осталось совсем немного, и я выкуплю дом, и вот тогда посмотрим, кто был прав насчёт таланта Петра Яковлевича!

Бабушка решительно встала с кресла и потрянула головой.

— А про домового?! — заныли девчонки.

— А про колодец и сокровища? — подхватил Матвейка.

— И про чердак!

— Завтра, — сказала бабушка. — Поздно уже.

Она по очереди поцеловала Матвейку, Енешу, Гельку и Гошку, погасила толстую оранжевую свечу в керамической плошке, которую сама вылепила, и на цыпочках вышла из комнаты. Дети ещё какое-то время слышали, как поскрипывают половицы под её лёгкими шагами. Они знали, что сейчас она придёт в Комнату-без-углов, где ждут взрослые

Крымовы, зажжёт свечи в старинном подсвечнике, потому что очень любит живой огонь, тем более вечерами, и они будут вести разные взрослые разговоры, которые всегда так хочется слушать, даже если ничего в них не понимаешь.

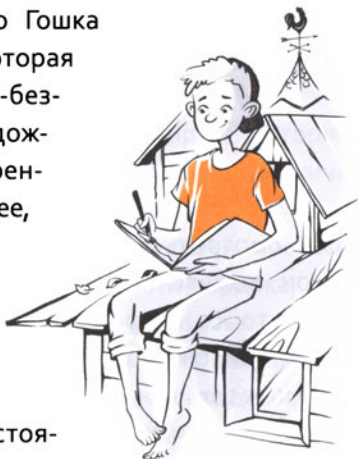
Гошка погладил стену возле своей кровати. Он спал на втором этаже кровати-чердака, почти под потолком. Эта часть дома была самая старая, изначальная, срубленная из вековых лиственниц. Бабушка называла её сердцем дома. Стена теплела под рукой, и Гошке казалось, что он любит бабушкин дом больше всех.

Глава вторая,

*в которой Гошка рассуждает о похожести,
сидит на крыше и пожимает руку,
а потом лапу*

Если смотреть на дом со стороны крыльца, то он кажется совсем небольшим. Это потому что со стороны крыльца видно только стены прихожей, бабушкиной комнаты и кухни. Но если начать обходить дом слева, то вынырнет пристрой, в котором сейчас гостевая комната, а за следующим углом — ещё один пристрой. Там у бабушки мастерская. Второй этаж будто бы весь состоит из мансард, террас и балкончиков. А ещё башенка есть. И флюгер на крыше. Такой дом мог построить только очень необычный человек! Одна Комната-без-углов чего стоит! Ещё Гошке нравилось, что в доме много картин: на стенах, на пианино, на специальных подставках... Там были и портреты, и натюрморты, и пейзажи. И даже портрет бабушки в молодости был.

Но больше всего Гошка любил картину, которая висела в Комнате-без-углов. На ней художник изобразил утреннее море, тёмно-синее, с пенной шапкой, и жёлтое от утреннего солнца небо. А на берегу, на песке, стояла одинокая собака и ла-
яла в это синее море. Картина была и кра-
сивая, и очень грустная какая-то. По вечерам Гошке нравилось сидеть на диване напротив этой картины, смотреть на неё долго-долго и думать о собаке. Что она делает там, на берегу, одна? Почему так тоскливо смотрит в море?

Гошка залез на крышу пристроя, в котором находилась гостевая комната, уселся поудобнее и открыл свой альбом. Гошка любил рисовать.

Особенно людей. Такие все разные! Даже если похожи. Взять хотя бы Гельку и Енешу. У обеих карие глаза, тёмные длинные брови, вздёрнутый нос, светлые густые волосы и улыбки как у голливудских актрис. Гошка их долго путал и смеялся, когда они утверждали, что Енеша похожа на маму, а Гелька — на папу. Но однажды в Новый год, когда взрослые сидели за столом и пели скучные песни, они устроили фотосессию: девчонки были моделями, наряжались в сказочные костюмы, а Гошка их фотографировал. И вдруг увидел, что они — ну совершенно разные! Конечно, близнецы, на одно лицо, все их путают, но — разные! С тех пор он безошибочно определял, кто из них Енеша, а кто — Гелька. Да и они, повзрослев, стали вести себя по-разному.

Евгения мечтала стать актрисой. Она каждое утро корчила рожи перед зеркалом и делала вид, будто это разминка, чтобы дикция была лучше. Ага, конечно! Тогда Гошкин одноклассник Якимов должен говорить как Цицерон, был такой великий оратор в Древнем Риме. Бабушка называла Евгению барышней.

И правда: она всегда ходила в юбках или платьях, обязательно с кружевом, оборочками и бантиками, и всё-то у неё было ажурное, изящное: сумочка на цепочке, такая крохотная, что туда только зеркальце помещалось, туфельки, шляпки, заколки, брошки... Называть Евгению Женькой просто язык не поворачивался. Но и на Еву, как хотела она сама, тоже никто не согласился. Поэтому она стала Енешей.

— Как несправедливо нас называли! — то и дело ныла Енеша. — Нет чтобы меня назвать Геленой, «солнечной»! Гелена Крымова! Настоящее сценическое имя! Тебе-то ведь всё равно.

Гелена актрисой становиться не собиралась, но имя её вполне устраивало. Гелька хотела стать частным детективом или, на худой конец, водолазом, что-

бы доставать клады с потонувших кораблей. А ещё больше она хотела ни в чём не походить на сестру. Она не признавала юбок, терпеть не могла розовый цвет и мечтала коротко постричь волосы, но пока не получалось. Потому что уже пять лет Енеша и Гелька занимались танцами, и на выступлениях девочкам нужны были одинаковые причёски — волосы, убранные в пучок. Гельке нравилось танцевать. Нравилось движение, нравились долгие изматывающие репетиции. И выступления нравились: дрожь в коленках, страх, радость, когда всё удалось, и особое чувство, когда зал взрывается аплодисментами. Но вообще-то Гельке больше по душе были точные науки. А ещё она страшно гордилась своим умением определять настроение человека по мимике и жестам. Ну, например, она могла сказать, что

ты злишься или расстроен, даже если ты не хочешь, чтобы кто-то об этом знал. Гелька думала, что врать ей бесполезно. Она посмотрела сериал про детектива, который раскрывал все дела, потому что умел читать по лицам, и теперь воображала себя таким знатоком!

Гошку это ужасно раздражало. Иногда он начнёт что-нибудь рассказывать, а потом заметит на себе Гелькин внимательный взгляд и сразу тушует. Неприятно как-то. Будто его всё время проверяют: врёт он или нет? А что чувствует? А как относится к человеку, про которого говорит? Но Гелька часто ошибалась.

На самом деле Гелька и Енеша были Гошке и Матвейке двоюродными сёстрами. Просто родители близняшек уехали на год в Австралию, на работу в одну инженерную компанию, а детей им взять не разрешили. Папа Енеши и Гельки договорился со своей сестрой, мамой Матвейки и Гошки, что девочки проживут у Крымовых. Это был самый чёрный день в Гошкиной жизни. Ему не только пришлось перебираться из своей — ОТДЕЛЬНОЙ! — комнаты в детскую к Матвейке, терпеть

его приставания и нытьё, но и завтракать с близняшками, ходить с ними в школу, возвращаться из школы, провожать их на другой конец города в танцевальный кружок, потому что одних их отпускать боялись, и молча сносить, что в ванную и туалет теперь очередь.

— Они же твои сёстры! — говорил папа. — И ты так скучаешь по ним всегда!

Ну да, скучает. Когда они живут за десять остановок и видятся по

праздникам, на новогодние каникулы и летом — у бабушки

Лёли. Бабушка любила, чтобы детей в доме было много, и всегда им радовалась. Она вообще всех детей любила.

Вот, например, есть у них сосед Антон...

— Гошка! Слезай!

— Лёгко на помине, — улыбнулся Гошка, увидев у калитки Антона. Он стоял, приложив руку козырьком к глазам, а у его ног послушно сидел Джетро.

Гошка захлопнул альбом и быстро спустился по лесенке. С Антоном они не виделись с зимы. А Антон — это такой человек, по которому скучать начинаешь сразу, как только расстался. Гошка пожал сначала руку Антону, а потом лапу Джетро.

Они познакомились позапрошлым летом. Гошка с Матвейкой устроились на крыльце, а Антон с собакой проходил мимо.

— Ух ты! — сказал Матвейка, увидев собаку. И крикнул Антону: — А ты чейный брат?

— Я? — удивился Антон. — Я ничейный.

— А я Гошкин.

— Заходи, ничейный брат, — хмыкнула бабушка, которая в это время развешивала бельё в саду. — Знакомься.

Так они и познакомились. Антон был старше Гошки на год, занимался скалолазанием, умел делать бумажные самолётики, кото-

рые летели долго-долго и не падали. У него были волнистые волосы и смешной, как у лягушонка, рот, который растягивался в улыбку каждую секунду. Антон был влюблён то в Енешу, то в Гельку и всё не мог выбрать, какая же из близняшек ему нравится больше. А ещё у него был Джетро, маленький рыжий пудель, удивительный пёс, который любил морковку и всё время выкапывал её у бабушки на грядке.

— Вообще-то я мечтал о немецкой овчарке или ризеншнауцере, но мама считает, что пудель почти как человек и самая умная собака, — говорил, будто оправдываясь, Антон. — А ещё он не линяет.

Ему казалось, что пудель — собака для девчонок, кудрявая, изнеженная и глупая. Но Джетро был очень умный и красивый. Антон сам стриг Джетро «под собаку», без всяких этих пуделиных причёсок. И дрессировал его, гулял, ухаживал. Хотя вообще-то мама покупала собаку себе; она утверждала, что писателю необходима собака, чтобы гулять с ней и думать о высоком. Но гулять

и думать Антоновой маме оказалось некогда. Поэтому Джетро из писательской собаки очень скоро превратился в мальчишескую. Джетро все просто обожали! Матвейка — потому что пёс никогда не прогонял его, как старшие, а с радостью играл в мяч и бежал за палкой или внимательно слушал, склонив голову набок, если Матвейка что-нибудь рассказывал. Енеша — потому что Джетро был такой кудрявый и мягкий, будто плюшевая игрушка, а если бы Антон стриг его по-нормальному, как положено стричь пуделя, то стал бы вполне модной собакой. Гелька — потому что думала, что пёс назван в честь Джетро Гиббса, главного героя криминального сериала «Морская полиция», самого умного, обаятельного, честного и сильного. Она не сомневалась, что пёс Джетро вместе с именем перенял все лучшие качества сериального героя. Гошка любил Джетро, потому что его любил Антон, Гошкин лучший друг. А бабушка радовалась тому, что пёс выкапывает только морковку и не трогает её драгоценные цветы.

Антон с Джетро гостили у тёти в соседнем доме. Одному Антону было скучно, и он каждое утро стал приходить к Крымовым.

— Ну вот, мало вам своих внуков, — говорил папа Крымов.

— Дорогой мой, детей много не бывает, — возражала бабушка. — Дети — это счастье.

Глава третья,

*в которой близняшки ссорятся,
Матвейка смотрит поезда, а в посёлке
появляется странный старик*

- А-а-а-а-а-а-а! Отдай, зараза!
- Не отдам!
- Отдай, я тебя убью!
- Очень страшно, ага! Ну-ка, ну-ка... что у нас здесь...
- Бац!
- А-а-а-а-а-а-а-а-а-а!!!
- Сама виновата! Не будешь лазить по чужим ящикам!
- Дура!
- Гадина!
- Я маме расскажу!
- А я тебе все волосы выдергаю! И платье твоё розовое разрежу на мелкие кусочки!
- Только попробуй!
- А ты не лезь ко мне!
- Что у вас там? — испуганно спросила бабушку Лёлю почтальонша.

— А, не обращайтесь внимания, девочки разговаривают.

В это время в другом конце дома что-то грохнуло, покатилося, а потом заверещало:

— А-а-а-а-а-а-а-а-а, не хочу на озеро, не хочу на озеро, не хочу-у-у-у-у...

— А вот это уже серьёзно, — сказала бабушка и поспешила в дом.

Матвейка стоял посреди Комнаты-без-углов и голосил:

— Я сто раз на этом озере был, не хочу-у-у!

— Вот глупый, озеро

для того и нужно, чтобы каждый день туда ходить, — удивлялся Антон. Он сидел на подоконнике раскрытого окна, болтая пыльными ногами. Ясно, что пришёл опять огородами.

— Жарко ведь, купаться хочется, — сердился Гошка.

— А мне не хочется, мне не хочется, не хочется!

Бабушка посмотрела на это безобразие ровно секунду, а потом строго сказала:

— Значит, так. Будем уважать интересы всех членов общества. Вы сейчас идёте с Матвейкой куда он там хочет, а потом все вместе на озеро. Понятно?

— Понятно, — буркнул Гошка.

— И чтобы никаких криков мне больше в доме! Где эти две дикарки?

И бабушка, грозно топая, отправилась в детскую.

Хотел Матвейка на железную дорогу. Потому что больше всего на свете он любил поезда. Все дети тянут родителей в парк и за мороженым, а Матвейка ходит гулять исключительно на вокзал. Поэтому Гошка, близнецы и Антон с Джетро тащились сейчас по жаре к раскалённой на солнце насыпи. Скоро там должен был пройти пассажирский на Москву. Матвейка его посмотрит и, если повезёт, захочет купаться.

— Угу, — буркнула Гелька, — или придётся ждать нечётный по второму.

— Нечётный по второму, — тут же радостно согласился Матвейка.

— Не-е-е-е-е-ет! — застонали остальные, а Енеша вздохнула укоризненно:

— Вот кто тебя просил напоминать, а?

— Только не начинайте снова! — взмолился Гошка. — Сил нет ещё и ваши ругачки слушать.

— Не слушай! — хором сказали близняшки и демонстративно отвернулись друг от друга.

— Поезд, поезд! — завопил Матвейка. Гошка схватил его за руку и оттащил подальше, девчонки зажали уши, а Джетро разразился лаем. С лязганьем и шумом промчался скорый.

— Уф-ф-ф, — выдохнул Антон. — Ну всё? Идём купаться?

— Нечётный по второму, — упрямо сказал Матвейка.

— Не-е-е-ет!

Но все знали, что спорить бесполезно. Можно только схватить за руки, за ноги и унести

с насыпи. Но это небезопасно: Матвейка будет орать, брыкаться, пинаться, кусаться, а потом ещё и бабушке нажалуется. В тоске и унынии все замерли на насыпи, ожидая, пока диспетчер скажет в пространство:

— Нечётный по второму.

«Нечётный» — направление. Нечётные поезда идут в Москву, чётные — из Москвы. Второй — номер пути, по которому прямо сейчас неторопливо шёл тяжёлый товарняк.

— Чего это он так медленно? — вздохнула Гелька.

Матвейка в упоении считал вагоны:

— Он всегда медленно! Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать... Здесь же станция! Девятнадцать, двадцать... А потом как разгонится!

— Ой, смотрите! — воскликнула Енеша.

Дверь одного из вагонов откатилась в сторону, и на насыпь прыгнул дяденька в костюме и даже с галстуком. А за плечами — довольно объёмный рюкзак. И с этим рюкзаком он так ловко прыгнул, будто поезд на месте стоял! А ведь дяденька был немолодой,

даже, наверное, старый: голова седая, борода, морщины, лохматые брови...

— Доброе утро, — вежливо поздоровался он с опешившими ребятами и спокойно стал спускаться в посёлок. Потом оглянулся и добавил: — Никогда так не делайте!

— Что мы, больные, что ли? — пробурчала Гелька.

— Сорок пять, сорок шесть, сорок семь! Всё!

— Ура! Свобода! — закричал Антон и бросился вниз по насыпи. Впереди маячила спина старика, лихо спрыгнувшего с поезда.

— Странный он, правда? — догнал Антона Гошка. — Ты его раньше видел?

— Не-а... И по-моему, он вообще не отсюда. Интересный тип. Проследим?

— Делать вам нечего, — скривилась Енеша.

— Мы, кажется, на озеро собирались, — напомнила Гелька.

— Вот и идите! — рассердился Гошка. — Детский сад какой-то! То братец, то сестрички! Дайте уже людям жить своей жизнью!

— Подумаешь! — сказали близняшки хором, но всё-таки подхватили Матвейку и пошли вслед за мальчишками.

Странный какой-то был старик. Шёл по посёлку неуверенно, всё время оглядываясь, подбрасывал и ловил чёрный каучуковый мячик. То и дело останавливался у какой-нибудь дачи, заглядывал за забор. У бабушкиного дома завис вообще надолго. Стоит и смотрит. «С неподдельным интересом», — тут же прокомментировала Гелька.

— Чего это он, а?

— Тише!

— Сама тише!

— Слушайте, может, вы пойдёте отсюда, а? И Матвейку прихватите, а то ещё заревёт и сорвёт нам всю операцию!

— Я не зареву, я не маленький.

— Тихо!

— Подумаешь, операция у него! Ты, Гошенька, на Шерлока Холмса не тянешь.

— Смотрите, к роще идёт!

Старик обошёл бабушкин дом, двинулся по тропинке вдоль рощицы и вышел на последнюю улицу посёлка. Ребята, держась на расстоянии, шли следом.

Глава четвёртая,

*в которой незнакомый старик очень быстро
бегает, Матвейка спасает положение,
а Джетро находит нечто интересное*

В каждом посёлке есть какой-нибудь таинственный дом. Обычно он стоит на окраине, заросший кустами шиповника и дикой малины, все его двери и полы издают леденящий душу скрип, а на чердаке явно обитает привидение.

В НиИ был точно такой же дом. Стоял он на самом краю посёлка, подступы к нему охраняла крапива ростом выше папы, окна с выбитыми стёклами пугали своей темнотой. Гошка и Антон никак не решались в него забраться.

И вот странный старик шёл прямо к этому дому. А точнее — в дом. Ребята притаились за углом.

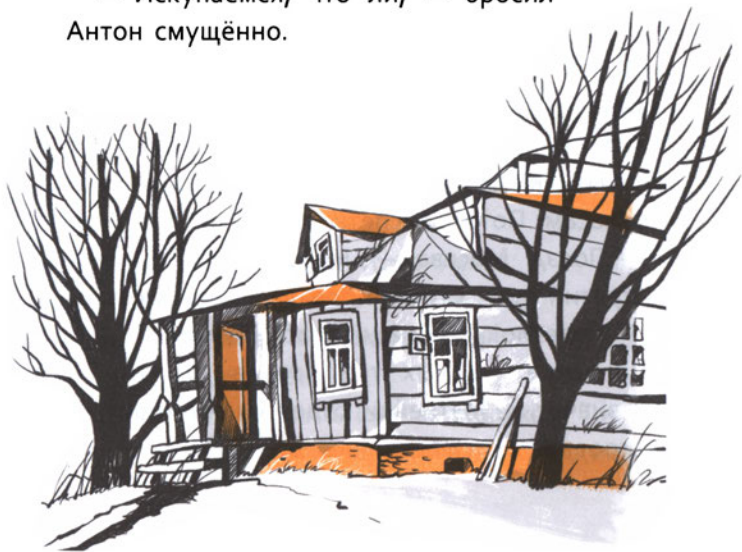
Но Джетро не хотел сидеть неподвижно. С лаем он кинулся на крыльцо, Антон еле успел поймать его за поводок и оттащить.

— Бежим! — крикнул Гошка и нырнул в кусты. Остальные помчались за ним. Антон пристегнул Джетро на поводок. Они добежали до самого озера, когда Енеша наконец крикнула:

— Стойте! Да стойте вы, ненормальные! Чего мы бежим-то? Подумаешь, какой-то старик зашёл в заброшенный дом, тоже мне!

Все остановились, тяжело дыша и не глядя друг на друга. И правда, чего бежали? Это их посёлок, где хотят, там и ходят!

— Искупаемся, что ли, — бросил Антон смущённо.

Вода ещё не прогрелась, и они лениво поплескались на мелководье. А потом Матвейка опять занял:

— Хочу на станцию! На станцию!

— О-о-о! Да давайте уже сводим его на станцию, а то весь мозг нам вынесет! — предложила Гелька.

Станция — это не насыпь, не просто «нечётный по второму», это даже интересно. Можно посмотреть, что продают в киоске, можно поглазеть на приезжающих. Правда, было их немного. Утренняя электричка давно прошла, а из поездов дальнего следования здесь почти никакие не останавливались.

Ребята прошли по платформе, сто раз сказали Матвейке не подходить близко к рельсам. Потом диспетчер объявил:

— Поезд Москва — Новосибирск прибыл на третий путь. Стоянка поезда — две минуты.

— Повезло! — обрадовалась Енеша.

Посмотреть целых три поезда за день — это значит, у Матвейки будет очень хорошее настроение до самого вечера.

— Здравствуйте! — сказал вдруг Матвейка, и все ребята повернули головы.

По перрону шёл старик, которого они полчаса назад проводили до заброшенного дома. У него были кустистые седые брови, в одной руке он крутил чёрный мячик, в другой нёс маленький чемодан. Когда он успел вернуться?

— Ничего себе спортсмен! — выдохнул Антон. — Спринтер.

Старик прошёл мимо, то ли не услышав приветствия Матвейки, то ли просто решив не отвечать.

Ребята переглянулись и двинулись за стариком.

— Ну, может, он просто гуляет? Туда-сюда, туда-сюда...

— Ага, и чемодан захватил, чтобы руки качать...

— Откуда чемодан-то взялся?

— Из заброшенного дома?

— И зачем он его сюда принёс?

— И куда несёт?

В общем, они опять шли за стариком. Тот двигался теперь уверенно, почти не оглядываясь.

Подкидывал мячик, ловил то левой рукой, то правой, но с одинаковой ловкостью, успевая ещё и перехватить чемодан, и снова подбрасывал. Антон даже позавидовал и тут же захотел такой мячик.

У бабушкиного дома старик опять остановился. Достал платок из кармана, долго вытирал лицо, шею, руки. Смотрел на дом.

— Грустно ему как-то, — заметила Гелька.

И почему-то это было и так понятно, без всяких её методик.

Ребята нисколько не удивились, когда старик свернул на тропинку, ведущую к заброшенному дому. На покосившемся крыльце он вытер ноги о несуществующий коврик, потом поднял руку и нажал на невидимый звонок. А в доме даже электричества не было. Старый столб валялся в канаве с ободранными проводами уже много лет.

Когда старик зашёл в дом, Гошка молча показал на окно без стекла. Ребята прокрались под него и прислушались.

— Ну что же... Здравствуйте, Аделаида Петровна, — сказал старик печально.

Раздался тихий щелчок, шорох, будто кто-то прошелестел длинными юбками по полу, и...

— Здравствуй, присаживайся, — ответил женский голос.

Гошка почувствовал, что волосы у него на голове шевелятся. Ведь дом был пуст! Всегда! Сколько он себя помнил! И крапива вокруг непримятая стоит, значит, никто не мог туда зайти! Ребята переглянулись. Привидение? Но ведь их не бывает! И голос такой живой, настоящий! Антон приложил палец к губам и осторожно заглянул в окно. Разговор между тем продолжался.

— Как поживаете?

— Ах, боже мой, что ты всё на «вы», ведь мы знаем друг друга столько лет!

— Да уж, любезная моя Аделаида Петровна, столько лет, столько лет... Я так рад, что вы зашли ко мне в гости... а я принёс вам ваш подарок, помните, вы оставляли мне на память?

Антон, бледнее бледной поганки, съехал по стене дома.

— Что там?

— Никого. Стоит этот старикан посреди комнаты и говорит, — прошептал он.

— А отвечает кто?

— Не знаю. Никого там больше нет.

Девчонки бывают разные. Енеша побледнела и, казалось, вот-вот упадёт в обморок. А Гелька тут же сама заглянула в окно, чтобы убедиться, что Антон не врёт. Антон не врал. Старик действительно в полном одиночестве стоял посреди комнаты и всё расспрашивал невидимую Аделаиду Петровну, как она поживает, много ли в этом году крыжовника и можно ли её пригласить покататься на лодке. Но Аделаида Петровна уже не отвечала.

Гелька рванула прочь от дома.

— Эй! — крикнула Енеша и кинулась следом.

А за ней уже и все остальные. Но далеко они убежать не успели, потому что Матвейка споткнулся и упал в густой черничник, Енеша бросилась его поднимать, Гошка споткнулся об её ноги, а об Гошку споткнулся Антон. Джетро с радостным лаем прыгал вокруг них.

— Вы что тут делаете? — услышали ребята голос старика, разговаривавшего с призраками.

И как он так быстро очутился рядом с ними?

— А мы... черникаем! — беззаботно улыбнулся Матвейка и отправил в рот горсть черники.

— Хмг, — сказал старик. — Черникаем. Интересное словообразование.

И пошёл себе по тропинке обратно в НиИ.

— А мы ещё Матвейку брать не хотели, — выдохнула Енеша и потёрла ушибленную коленку.

— Надо проверить дом, — предложил Антон.

— Ни за что! — хором воскликнули близняшки, сердито посмотрели друг на друга и одинаково покачали головами. Гошка был с ними абсолютно согласен. Лезть в дом, где наверняка живёт призрак Аделаиды Петровны, — ну уж нет! Но признаться в этом Антону? Ещё неизвестно, что хуже...

— Да ладно, — продолжал настаивать Антон. — Заглянем потихоньку, не ночью же! Что она, сразу на нас набросится, что ли, эта Аделаида?

— Интересно, кто она такая? Красивое имя...

— Вот-вот, имя! Так уже сто лет никого не называют! Она, может, в позапрошлом веке умерла! — заметила Гелька.

— Если в позапрошлом, откуда этот старикан её знает? Он, конечно, старый, но ведь не настолько! — заспорила Енеша.

— Да мало ли! Может, это его прабабушка!

— Которую он на лодке покататься зовёт — хи-хи-хи!

— Вообще-то она, конечно, могла быть... ну, дамой из прошлого... может, актрисой очень красивой или что-то такое, — задумчиво проговорил Антон. Гошка прямо видел, как крутятся шестерёнки у него в голове. — Может, он увидел её на картине и влюбился в портрет, всякие бывают психи...

Мысль про актрису Енеше понравилась.

— Пойдёмте на разведку! Ты, Гелька, если боишься, можешь здесь с Матвейкой оставаться.

— Сама ты боишься! — закричала Гелька.

— Сама ты оставаться! — закричал Матвейка.

— Что вы всё время кричите? — поморщился Антон.

— Тётя Юля говорит, что у нас итальянская семейка, — лучезарно улыбнулась Енеша.

— Да уж, — буркнул Гошка.

К дому подошли все вместе. Аккуратно поднялись на ступеньки крыльца. Они скрипнули. Стало по-настоящему страшно. Но тут Джетро рванул в дом и с лаем стал носиться по пустым комнатам.

— Джетро! Джетро, ко мне!

Джетро радостно вернулся, неся в зубах какую-то белую тряпочку. Антон сердито выхватил её. Это был кружевной платок с выцветшими вышитыми буквами А. П. М.

Кому: Даша

На место прибыл. Всё так изменилось!
Его пока не нашёл, жду твоего решения.

Глава пятая,

*в которой ребята анализируют,
а бабушка выходит из себя*

Всё это было необходимо обсудить, и ребята отправились в своё Тайное Убежище. Сокращённо они называли его ТУ. Бабушкин дом стоял в старом саду, который, как ни пыталась бабушка его облагородить, так и не стал «чистеньким и нарядным». Трава за лето вырастала тут по пояс, никакая газонокосилка не справлялась. Папа Крымов, приезжая на выходных, косил её настоящей косой, поэтому перед домом была более-менее приличная лужайка, но вот за домом... За домом у бабушки было три грядки: с морковкой, капустой и зеленью. Всё остальное выращивать она считала необязательным. Между грядками и вокруг них буйно цвели одуванчики, росли сурепка и полынь. Из этой травы робко выглядывали кусты смородины и крыжовника.

Загадочный и даже таинственный вид саду придавали старые, покорёженные временем

яблони. Одна из них росла так, что её толстые нижние ветки огибали угол сарая, а тонкие верхние — склонялись над его крышей. Получался естественный шалаш, как будто бы домик на дереве. Это и было ТУ. Гошка за-тащил туда ящик с крышкой; в нём ребята хранили два коврика, бумагу и ручки, три кружки и железную банку, в которую насыпали то леденцы, то хрустящие сухарики, то сушёную вишню.

Антон, Гошка, Енеша и Гелька уселись на крыше, уставились друг на друга.

— Так, — начал Антон. — Что мы имеем? Старый дом и странный старик, который за-просто выпрыгнул из поезда, а потом опять приехал на поезде.

— Может, это братья-близнецы? — предположил Гошка и посмотрел на девчонок.

— И оба приехали в один и тот же день в наш посёлок?

— Почему тогда не вместе?

— Ну, вы бы тоже вместе не поехали, вы бы по дороге поубивали друг друга, — ответил Гошка.

Девчонки одинаково фыркнули.

— Нет, это, наверное, один человек, просто, пока мы купались, он вернулся на станцию, взял чемодан и опять пошёл в этот дом, — объяснил Антон. — И в доме разговаривал с Аделаидой Петровной.

— А она ему отвечала, — поёжилась Енеша.

— Да... — задумчиво продолжил Антон. — У нас есть платок с инициалами А. П. М., и...

— Это наверняка Аделаида Петровна! — перебил его Гошка. — Надо только фамилию выяснить и разузнать, кто она, когда жила и как умерла!

— Почему сразу умерла-то? Может, она... ну, из другой комнаты с ним разговаривала? — начала Гелька, но Енеша её перебила:

— Ой, мы это ещё там выяснили!

— Ничего мы не выяснили! В том-то и дело! Снизу, с земли, раздался рёв:

— Я тоже хочу туда! Я тоже хочу к ва-а-ам!

— О нет! — простонала Енеша и, раздвинув ветки яблони, строго сказала Матвейке: — Тебе сюда нельзя, упадёшь!

— Не упаду-у-у-у! Я тоже хочу-у-у!

— Лучше поднять его, а то бабушка при-
мчится и мы все получим, — заметила Енеша.

— Вот сама и поднимай!

Енеша фыркнула и спустилась по шаткой
приставной лестнице.

— Ну маленький, ну Матвейка, не плачь...

Она помогла ему забраться в ТУ.

— Убежище перестаёт быть тайным, —
прокомментировал Гошка.

— Да ладно уж, — отмахнулась Гелька
и сказала Матвейке: — Сиди тихо, — а по-
том повернулась к остальным: — Ну и как
мы найдём Аделаиду Петровну с фамилией
на «м»? Интернета тут нет...

Внизу громко залаял Джетро.

— Да что же это такое! — воскликнул Ан-
тон. — Посовещаться не дадут!

— Совещаться можно и на кухне, — услы-
шали ребята.

Рядом с Джетро стояла бабушка. Она серди-
лась. А сердиться бабушка умела только по од-
ному поводу: если ей не давали работать.

— Посовещаться и заодно перебрать клуб-
нику, которую я всё утро собирала. И буду

варить прекрасное варенье, если, конечно, мне в окно опять не прилетит что-нибудь! Можете себе представить? Среда бела дня! Неизвестно откуда! Вот такой штуковиной! А если бы мне по голове? Теперь ещё окно вставлять в мастерской!

— Это... — начал Антон, но Гошка толкнул его в бок.

Они сразу узнали чёрный каучуковый мячик. Тот самый, которым играл старик, умеющий разговаривать с призраками.

— Бабушка, а есть тут интернет-кафе?

Разговаривать с бабушкой, если она сердится, всегда посылали Енешу. У той был просто талант подмасливаться к людям.

— А что, без интернета нельзя и недели прожить? — проворчала бабушка.

— Ну, понимаешь, нам надо найти информацию... а как ещё это сделать?

— Вообще-то кроме интернета есть книги, газеты и журналы.

— Ой, ну это же надо в библиотеку идти, а где её взять?

— Между прочим, — сурово заметила бабушка, — тут вам не просто какой-то там дачный посёлок, а НИИ! И тут, моя дорогая, есть отличная библиотека! Собранная, между прочим, энтузиастами! И вдохновил нас всех на это дело мой хороший друг Семён Викторович Чуканов. Он не только отдал под библиотеку половину своего дома, но и собрал бóльшую часть фонда, сам работает в библиотеке и постоянно этот фонд обновляет.

— Ничего себе... — искренне удивилась Енеша.

— А вы каждый год сюда приезжаете и даже не знали!

— Но ты же нам сама не рассказывала, — хитро улыбнулась Енеша, и бабушка хмыкнула.

— Да уж... Луговая, четыре. Скажите, что вы мои внуки.

Енеша звонко чмокнула бабушку в щёку и выпорхнула из кухни.

— А клубнику кто будет перебирать?!

Но пятеро детей и собака уже мчались к библиотеке.

Журнал ПУ

Сегодня, 25 июня, мы решили вести журнал ПУ. Сюда мы будем записывать всё, что станет известно о загадочном старике, об А.П.М. и о таинственной даме. Вести журнал поручили мне, Георгию Крымову, потому что у меня красивый почерк. Ещё мы распределили обязанности.

Антон — командир,

Телька — главный наблюдатель,

Енеша — по связям

с общественностью (бабушка),

я — летописец,

Матвейка — балласт (но без него

нас бабушка нигде не отпускает,
ей дал заказ театр кукол, и она
целыми днями работает),

Джетро — сторож и ищейка.
Вчера шёл дождь, и мы не смогли
сидеть в МЧ. Тогда Енеша была
делегирована к бабушке, чтобы
выпросить разрешение разгерметизировать
сарай и устроить там штаб.
Бабушка разрешила (я думаю,
потому что ей некогда спорить).

Сам будешь договариваться в следующий раз!
Посмотрим тогда!

Просьба все свои дополнения
подписывать! А то начнётся
путаница!

Это была я, Енеша 😊

При последних днях мы провели
в библиотеке и на уборке сарая.
В библиотеку пошли все вместе.
Вели Джетро ждать на крыльце,

зашли, сказали, что мы Бабушкины
внуки. Семён Викторович оказался
совсем стариком, седым и сморщенным,
но он очень обрадовался, что к нему
пришло «так много молодых людей».
Телька утверждает, что радость
его была искренней. Телька вообще
утверждает, что умеет определять
настроение по мимике. Я не знаю,
насколько можно доверять такой
науке, но она говорит, что можно.)

Конечно, можно! Книжки надо читать!
И фильмы смотреть! Знаешь, сколько пре-
ступлений раскрыто благодаря этой науке?
С помощью мимики, жестов и поз пере-
даётся в 8 раз больше информации, чем
с помощью слов!

Геля

Библиотека маленькая, всего три
комнаты: две для книг и одна для
газет.

Мы сразу разделись по парам:
я и Антон взяли на себя
энциклопедии, а девочки — газеты
и журналы.

Вот результат наших поисков.

В газете за 2009 год Енеша нашла
некролог...

Чего она нашла?..

Некролог! Это заметка о том,
что кто-то умер. Так вот,
Енеша нашла некролог о том, что
скончалась Анастасия Поликарповна
Меркулова, но там было только
написано, что все скорбят.

В энциклопедии «Твой дом» была
приведена цитата из статьи
А.П. Мироновой по правильной
посадке смородины на участке.
Все! Где ещё искать Аделаиду
Петровну, мы не знаем.

Мне кажется, что надо расспросить С.В.
Я за ним наблюдала, пока Енеша рылась
в газетах. Он что-то скрывает. Он делал
вид, будто бы ему совсем неинтересно, что
мы тут ищем, а у самого уши были очень
напряжены, и глазами он водил туда-сюда,
а это значит — прислушивался.

 Геля

Как можно увидеть, что уши напряжены?
Глупости какие-то!

Ничего не глупости!

Подписывайтесь!!!

В сарае мы прибрались, весь
хлам сожгли на костре, а то,
что не хлам, разделили на две
части: нужное бабушке (два ящика
с какими-то штукаами, мы не
поняли какими, но бабушка говорит,
что это материал для кукол,
+ старая швейная машинка, Бюст
Пушкина, коробка с журналами мод)

и нужное нам (лопата — 1 шт.,
весы — 1 шт., гири к весам —
5 шт., велосипед — сломанный,
но папа приедет и починит,
калошечки). Бабушкина часть стоит
слева от входа, чтобы удобно
было брать, а наши вещи мы
расставили по местам. Ещё принесли
из дома старое кресло, стол,
скамейку и тумбочку. На тумбочке
можно писать. Теперь это наш
штаб. Я нарисовал знак «кирпич»
и повесил его на дверь. Теперь
ясно, что сюда без спроса входить
нельзя.

P.S. Если девочки будут ругать-
ся в журнале, я ничего писать
не буду.

Енеша и Телька, пересманные
ругаются.

Анимон

Я ЧЕТАЛ КНИШКУ ПРО КАТА.

Я УМЕЮ ЧЕТАТЬ И ПЕСАТЬ. М.

Глава шестая,

*в которой неизвестный ценитель прекрасного
начинает работу, а Енеша теряет голову*

— Так как, вы говорите, вас зовут?

— Дмитрий Иванович Кузякин.

Молодой человек, щёгольски одетый, с небрежно зачёсанными назад пшеничными кудрями, стоял посреди Комнаты-без-углов и застенчиво теребил пуговицу пиджака.

— Вы можете звать меня просто Митенькой, если угодно.

Гелька с Гошкой прыснули. Енеша смерила их презрительным взглядом.

Но молодой человек не обиделся. Он улыбнулся трогательной детской улыбкой и сказал:

— Вот вам смешно, а меня так всегда зовут, с раннего

детства. И я настолько привык, что никак не приноворююсь к полному имени, прямо беда.

Мама улыбнулась в ответ:

— Да вы проходите, Дмитрий Иванович, будем чай пить.

Она быстро накрыла стол, и все сели пить чай в ожидании объяснений от гостя: кто таков и зачем пожаловал.

— А где же Ольга Львовна? Разве она больше здесь не живёт?

— Она на почту пошла, скоро будет. Вы, наверное, на утренней электричке приехали?

— Я? Да, на утренней. Такая тряска... И вот вас сейчас стеснять буду. Это всё так неудобно, и, право, если бы здесь была гостиница...

Гелька опять фыркнула, расплескав по скатерти чай. Енеша толкнула её под столом ногой, Гелька двинула локтем сестре в бок.

— А ну-ка выйдите обе из-за стола! — сурово сказала мама.

— Мы больше не будем, — пискнула Енеша.

Гелька выдавила милую улыбочку. Гошка подумал, что иногда они всё-таки совершенно одинаковые.

— А какое же дело у вас к Ольге Львовне?

— О! Вот! — Митенька ещё больше смутился, залился румянцем, полез во внутренний карман пиджака, запутался в нём, наконец выдернул оттуда руку с какой-то книжицей, чуть не уронил её в чай, поймал и робко протянул маме.

— Да вы пиджак-то снимите, жарко, — усмехнулся папа.

— Да, вы правы, конечно, — опять покраснел Митенька.

— «Государственная Третьяковская галерея, младший научный сотрудник...» — прочитала мама. — Так вы по поводу картин?

Митенька закашлялся, подавившись чаем. Папа деловито похлопал его по спине.

— Кха-кха... Да, к нам пришло письмо о том, что Ольга Львовна Петрова-Метерлинская хочет создать музей художник Мухина, и начальство заинтересовалось, командировало меня. Ну, знаете, посмотреть, оценить картины, сделать опись... Может, они возьмут музей под своё крыло. Так сказать, филиал Третьяковки.

— Как это неожиданно! — изумился папа. — Ольга Львовна уже всякую надежду потеряла.

— Ах, ну как всегда у нас: из высокого и благородного дела получается волокита! Но ведь Мухин же прекрасный художник, такой чувственный... А вы как считаете?

Родители растерялись. Они приехали вчера вечером на выходные, ещё с детьми толком не поговорили, а тут с утра этот Митенька. Станный какой-то, разговаривает как будто из позапрошлого века. А глаза такие ясные, такие искренние, что даже Гелька со своей наукой чтения лиц только плечами пожала, когда Гошка о нём спросил.

— Парень как парень. Ну, странный слегка.

— Ничего вы не понимаете! — вспыхнула Енеша. — Он просто воспитанный! И такой... он просто беззащитный!

Крикнула и убежала.

— Чего это она? — не понял Гошка.

— Влюбилась! — презрительно фыркнула Гелька.

Пока бабушка не пришла, Митенька сидел в Комнате-без-углов, и мама слушала его

бесконечный монолог про картины и трудную жизнь человека, который работает не за деньги, а исключительно за идею, потому что ценит прекрасное. Мама быстро устала от Митенькиной болтовни. Её ждал в саду куст жимолости, и, как только она заметила в коридоре Енешу, облегчённо сказала:

— Вот моя племянница Евгения посидит с вами, а я делами займусь, не возражаете?

И мама поскорее выбежала из Комнаты-без-углов, шепнув на ходу: «Замени меня, пожалуйста», — и не заметив, как радостно вспыхнуло Енешино лицо.

Бабушка с почты вернулась довольная: пришла бандероль с какими-то особенными рисунками для кукол. Ещё на крылечке она напевала свой любимый романс «Целую ночь соловей нам насвистывал...», а в прихожей громко сказала:

— Ну, кто будет на обед эклеры с кремом?
А тут — Митенька.

— Ольга Львовна! Я так рад вас лицезреть! Так рад! Я столько слышал, я всегда восхищался! Взвалить на свои плечи заботу о доме,

гореть идеей создать музей — это так трогательно, так восхитительно!

Бабушка переводила взгляд с Митеньки на столпившихся в дверях домочадцев и наконец выдавила:

— Э-э-э... Я тоже очень рада, молодой человек, но, может, вы представитесь для начала? Или мы знакомы?

И Митенька снова показал своё удостоверение, и бабушка повеселела ещё больше, прямо помолодела лет на двадцать.

— Господи, сама Третьяковка! Да как же они узнали?

— Как? — изумился Митенька. — Но разве вы не писали нам? Погодите, у меня и письмо есть...

Он опять полез в карман, вытащил письмо. Бабушка пробежала его глазами, плечами пожала:

— Нет... да и почерк не мой. И здесь, видите, обо мне рассказывается, не могу же я о себе в третьем лице.

— Ох! Как-то я не подумал... Ну, вероятно, это ваши доброжелатели, может быть, соседи,

которые сочувствуют вашему делу, да и неважно ведь по большому счёту, верно?

— Конечно, — улыбнулась бабушка.

После обеда Ольга Львовна и Дмитрий Иванович Кузякин, которого все, даже дети, стали сразу называть Митенькой, пошли в Музейную комнату. Там у бабушки хранились картины Петра Яковлевича, его скульптуры, керамика, фотографии — в общем, всё, что могло стать в скором времени экспозицией музея. Гелька напросилась смотреть картины — всё-таки её назначили наблюдателем, значит, она должна наблюдать даже за таким безобидным человеком, как Митенька. Енеша тоже напросилась, просто так, заодно. А сама ужасно покраснела при этом.

*Глава седьмая,
в которой сэр Тобиас берётся
за виолончель, а Матвейка делает
удивительное открытие*

Матвейке, как и многим детям, говорили, что по ночам игрушки оживают.

Но Матвейка знал: это неправда. Игрушки живые всегда. Просто днём они притворяются, хотя им непросто. Не потому что боятся кого-нибудь испугать, а потому что двигаться и разговаривать в присутствии людей у игрушек считается неприличным. Ну вот как у нас ковырять в носу. Но иногда Матвейка замечал, что если долго сидеть неподвижно, глядя в одну точку, то краем глаза можно увидеть какое-то движение то тут, то там. Это игрушки шевелятся, потому что им скучно. Ведь и некоторые люди иногда ковыряют в носу в гостях, когда думают, что никто на них не смотрит.

У бабушки Лёли было много игрушек. Они остались в доме от прежних хозяев, их свозили сюда бабушкины выросшие дети

и подросшие внуки, а ещё бабушка делала игрушки сама. Да-да! И плюшевых мишек, и длинноухих зайцев, и изящных кукол, и грустных клоунов.

— Это моя работа, — говорила бабушка.

Но Матвейка и тут ей не верил. Разве работа может быть такой замечательной?

Пока бабушка с новым дяденькой разбирали картины, Матвейка проник в мастерскую. Вход сюда был строго-настрога запрещён, но так трудно удержаться! Там столько игрушек! И кисточек! И красок! И всяких разных других штук, названия которых Матвейка ещё не знал, но очень любил их рассматривать и трогать. А картины — это надолго. Бабушка, может, до вечера не вернётся.

Матвейка прошёл вдоль одной стены, где стоял длинный-предлинный стол, а над ним висели ящички, ящички, ящички... Стол был завален выкройками, лоскутками, ножницами, иголками, кусками проволоки разной толщины и длины, бусинами, пуговицами, здесь валялись даже кукольные ноги и руки. Вот бы мама увидела, какой у бабушки бардак! А то их с Гошкой она всегда ругает за беспорядок! Вдоль другой стены шли стеллажи, от пола до потолка, а на них стояли, сидели, лежали куклы.

Зайцы с ушами до пяток, изящные принцессы в коронах и пышных платьях, целое стадо смешных разномастных коров, танцовщица с веером, Баба-яга, шут в шапке с бубенчиками и много-много других. У самого окна, привалившись боком к стопке книг, сидел сэр Тобиас — симпатичный плюшевый медведь. У него были грустные глаза и улыбчивая морда. Потрёпанный костюмчик, смешная кепка, значок со странным словом «ДЕТГИЗ» на груди.

— Здравствуйте, сэр Тобиас.

Медведь, конечно, не ответил. С игрушками всегда так, они здорово умеют притворяться.

На подоконнике лежала игрушечная виолончель. Бабушка ещё не доделала смычок, но Матвейка видел как-то по телевизору, что можно и пальцами играть. Он взял сэра Тобиаса, усадил его поудобнее на подоконнике и пристроил в лапы виолончель.

— Выступает сэр Тобиас! — объявил Матвейка и захлопал, приветствуя артиста.

Тут Матвейка чуть-чуть отвлёкся от концерта — оказывается, на том месте на пол-

ке, где сидел сэр Тобиас, прямо за его спиной, была дверца шкафчика! Вот это да! Сэр Тобиас охранял тайник! Матвейка потянул дверцу, и она легко открылась. Тайник был почти пуст. Только какая-то одинокая коробочка лежала в глубине. Матвейка достал её и увидел, что это фотография в массивной толстой рамке. Фотография была старая, чёрно-белая. На ней мужчина и женщина стояли на крылечке этого дома. Они смеялись и обнимали троих детей: мальчика с кудрявыми светлыми волосами, худенькую девочку с косичками и высокого паренька в клетчатой рубашке. На фотографии

было лето, все казались весёлыми и счастливыми, и Матвейке находка так понравилась, что он решил взять её с собой. Бабушке фотография всё равно не нужна, раз она спрятала её в шкафчик. Матвейка придумал, что кудрявого мальчика зовут Вася и они с ним вместе пойдут в первый класс. А тощая девочка пусть будет Катя — так звали его подружку в детском саду. Серьёзного паренька он не знал, как назвать, и звал его просто «старший мальчик».

Матвейка закрыл шкафчик, посадил сэра Тобиаса на место и вышел в сад. С ним никто здесь не играет, гоняют его, говорят, что маленький. Подумаешь! Зато он обнаружил у бабушки в мастерской тайник! Можно будет прятать там конфеты.

Глава восьмая,

*в которой бабушке прописывают успокоительное,
Митенька рвёт на себе волосы,
а ТУ превращается в ДА*

Целую неделю бабушка с Митенькой разбирали картины Петра Яковлевича. Митенька внимательно осматривал каждую даже с изнанки, заносил описание в толстую тетрадь, раскладывал по разным коробкам акварели, графику и масло. Бабушка словно на крыльях летала!

Вечерами собирались на веранде, приходил Антон. Все вместе пили чай и вели неспешные разговоры об искусстве, музеях, театре, который Митенька очень любил и этим окончательно покори́л Енешино сердце. Митеньку все приняли как родного. Однажды бабушка даже спросила его совсем по-свойски:

— Скажите, Митя, а почему вы так странно говорите?

— Как? — не понял Митенька.

— Как будто в позапрошлом веке живёте! — влезла Гелька.

Бабушка на неё посмотрела выразительно, но замечания не сделала.

— Ах, Ольга Львовна, я и сам не знаю... и не знал, что это как-то неправильно... Я ведь детство провёл в Америке, родители эмигрировали ещё до моего рождения. Я был на домашнем обучении, папенька меня к интернету и телевизору не подпускал, говорил, что зараза это и от лукавого, всё книжки приучал читать, классику. Может, поэтому я так говорю?

— Наверное, — вздохнула бабушка.

— Я только год в России, так что... много необычного, нового. Я очень смешно выгляжу, да?

— Ах, что вы, Митенька! Нет, нет, в этом есть даже своя... прелесть. И изюминка. Не берите в голову.

И Митенька опять покраснел. Енеша посмотрела на него с обожанием.

Митенькина комната находилась напротив Музейной. Перед сном он всегда заходил туда ещё раз, чтобы «полюбоваться шедеврами». Он не скрывал своего восхищения перед

талантом Петра Яковлевича Мухина, и бабушкина надежда, что музей её учителя откроется, росла с каждым днём. Митенька вставал рано, делал зарядку, да ещё так разительно, что скоро Гошка, Антон и, конечно, Енеша стали заниматься с ним вместе. Потом они бежали на озеро, купались, потом завтракали и расходились по своим делам: Митенька в Музейную, ребята кто куда. Так продолжалось почти неделю, как вдруг всё полетело кувырком.

В то утро всех разбудил крик:

— Эй! Кто-нибудь! Помогите! Выпустите меня отсюда!

Кричал Митенька. Кричал и бил кулаком в дверь своей комнаты. Бабушка в халате, Енеша и Гелька в пижамах, а Гошка и Матвейка и вовсе в одних трусах — все прибежали на его крик.

— О господи ты боже мой, как же так... кто же вас...

Дверь Митенькиной комнаты была забаррикадирована маленьким комодом, который

всегда стоял в коридоре и в котором бабушка хранила старые фотографии и открытки. Все вместе они с трудом его отодвинули и выпустили разгневанного Митеньку.

— Что это за шутки! — кричал он. — За что?!

— Успокойтесь, дорогой мой, мы сами ничего не понимаем... — начала бабушка, но тут же вскрикнула и схватилась за сердце.

Дверь в Музейную была распахнута, и там царил жуткий кавардак. Коробки, папки, ящики были перевернуты, скульптуры раскиданы, окно распахнуто настежь, а картины... Все картины — исчезли.

Бабушке вызвали доктора, который жил по соседству. Он был хоть и молодой и весёлый, но уже какой-то профессор, часто забегал

к бабушке на чай, а его жена брала у неё рецепты варенья и схемы для вязания.

Врач дядя Лёша прибежал по первому зову. Он пощупал пульс, смерил давление, выписал успокоительное и сказал, что всё-таки жизнь дороже любых картин, но бабушка только рукой махнула и отвернулась к стене. Митенька метался по дому и кричал:

— Где были мои глаза?! Где были мои уши?! Почему я спал и ничего не слышал?! Почему, почему?! О боже, какой крах, какой ужас! Это я, я во всём виноват!

— Ну что вы, Митенька, в чём же вы виноваты? Вас же заперли! — Енеша сама готова была расплакаться, глядя на его страдания.

Гелька с Гошкой переглянулись и ускользнули в штаб. Гошка забрался на крышу сарая, свистнул три раза, и над соседним забором показалась взлохмаченная голова Антона. Он был очень злой.

— Чего тебе?

— Дело есть! — крикнул Гошка. — Срочно!

— Не могу! Видишь, полоть заставили!

— Потом прополешь!

— Не прополю! У меня и так сил нет, я всю ночь не спал!

Гелька в это время взобралась на сарай следом за Гошкой.

— Антон, дело очень важное! — громко сказала она. — Надо поговорить. А потом вместе прополем.

— Идёт! — тут же перемахнул через забор Антон.

Гошка сердито посмотрел на сестру. Он не навидел прополку больше всего на свете, но она притворилась, что не понимает его гневного взгляда.

Журнал ДА

ДА — Детективное Агентство (название ещё не придумали). Так теперь ПУ называется. Командир Антон настаивает на расследовании, а значит, ПУ должно превратиться в ДА.

Да, насматываю! Ясно ведь, что дело
идет нечисто!

Анимон

Факты. Сегодня ночью наш дом
ограбили. Украли все до одной
картины из Музейной комнаты.
Там страшный беспорядок.

Митенька, который спит ближе всех
к Музейной, был заперт камодом.
Говорит, что ничего не слышал.
Он винит во всем себя.

Я вот что-то сомневаюсь, что он так уж
искренне переживает за картины. Что-то
лине в его лице не нравится... Сама не
пойму что. Возможно, он боится, как бы
его не заподозрили, а на сами картины ему
наплевать! Геля

Ничего он не боится! Он за картины
переживает! Он даже плакал!

Вот-вот! Говорю же, подозрительно всё
это! И как так можно спать, чтобы
НИЧЕГО не слышать?

Геля

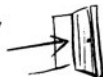
Он устал! У него крепкий сон! Это что, преступление? Ты сама дрохнешь как сурок! А он работник Третьяковской галереи! Он добрый, зачем ему красть картины?!

Ну мало ли зачел!

Идише спорыше на улице.

Анимон

Ещё факты. Ночью Антона разбудил шум, который исходил, как он говорит, из нашего дома. А именно из Музейной комнаты. Окна Музейной как раз смотрят на окна Антохиной комнаты, и никто, кроме него, ничего не слышал. Антон утверждает, что в Музейной что-то разбилось, потом открылось окно и как будто что-то из окна вытаскивали. Ещё он слышал, как подъехала машина,

легковая. Антон открыл своё окно и крикнул: «Эй!»

И тут ему ответили Митенька (!!!), что-то вроде: «Извините за шум, за картинами приехала машина, возём на реставрацию». Самого Митеньку Антон не видел, но голос вроде его, хотя Антон не уверен. И вроде как ещё кто-то крикнул в комнату: «Да-да, Ольга Львовна, и этот чудный натюрморт тоже!»

Я совершенно ничего не понимаю!!! Как это сама бабушка и Митенька?! Этого не может быть!!!

Енеша

Я с бабушкой поговорила, между прочим, она вообще застонала и сказала, что я несущу бред несусветный, и попросила оставить её в покое. Она искренне не понимала, о чём я её спрашиваю. Но, с другой стороны, по лилике больного человека читать вообще трудно, все эмоции искажаются.

Геля

Размышления. Если Антон слышал,
как что-то разбилось, почему нет
осколков этого чего-то?

Как Митенька мог грузить
картины, если он был заперт
камодал в своей комнате?

Может, он сам себя запер?

Перестань писать чушь!!!!

Почему все картины взяли, а скульптуры
нет? И вообще, если это грабители,
почему все скульптуры так аккуратно
ПОЛОЖЕНЫ на пол? Мне кажется, что
если бы это были настоящие грабители,
то они бы всё побили.

Совсем не обязательно! Грабители бывают
разные!

Геля

Я не могу писать, когда мне все
мешают!!!

Я ИГРАЛ В САДУ. Я НАШОЛ ПУГАВИЦУ.

ОНА КРАСИВАЯ. ВОТ ТАКАЯ. М.

Глава девятая,

*в которой приезжает следователь Васильчиков,
Гошка подслушивает,
а Антон становится главным свидетелем*

Утром в НИИ приехал следователь из соседнего городка под названием Васильки. Он был не в форме, а в простой клетчатой рубашке навыпуск и лёгких светлых брюках; лоб он постоянно вытирал платком. Фамилия у него оказалась Васильчиков. Гелька с Гошкой прыгнули. Васильчиков из Васильков! Но следователь строго так на них посмотрел, и они присмирели. Это вам не младший научный сотрудник, он и арестовать может.

Следователь Васильчиков записал всех, кто живёт в доме: полностью фамилия-имя-отчество, год рождения и кто где находился в момент преступления. Гошка тут же побежал в штаб ДА и в журнале записал то же самое. Бабушка всё ещё не вставала, и следователь начал допрос с неё, присев на тонконогий стул рядом с её постелью. Гошка пристроился под

открытым окном бабушкиной спальни, журнал взял с собой. Главное не пропустить ни слова!

— Давайте по порядку, — строго сказал следователь Васильчиков. — Вы говорите, что около двенадцати пошли спать. Можно поточнее?

— Я не помню, во сколько точно! — простонала бабушка. — Я всегда ложусь до двенадцати, если в доме нет гостей. Может, была половина двенадцатого или без четверти... около того.

— Так-так-так... Вы говорите, «если нет гостей», а разве... э-э-э... — видимо, следователь заглянул в свой блокнот, — Дмитрий Иванович Кузякин не гость?

— Ох, ну какой он гость! Он приехал по делу, разбирать коллекцию, — голос у бабушки задрожал, — он уже неделю здесь живёт...

— Ага... живёт здесь неделю, — медленно повторил Васильчиков. Он, похоже, записывал. — И как вы его находите? Ничего подозрительного за ним не замечали?

— Ой, да что вы! Он такой милый мальчик, совершенно не приспособленный к жизни!

— Ясно. А скажите... э-э-э... — шелест страниц, — Ольга Львовна, а вы ничего странного не замечали в последнее время? Может быть, кто-то незнакомый заходил к вам? Или вокруг дома кто-нибудь околачивался?

— Да нет... тут же все свои, мы живём спокойно, будто на земле обетованной, дети гуляют по всему посёлку, все друг друга знают... — задумчиво проговорила бабушка, а Гошка под окном чуть не подскочил: старик-то! Старик, который разговаривает с призраками!

— Хотя да... постоит... неделю назад... — будто услышала Гошкины мысли бабушка, — за день до приезда Митеньки... да, точно, я работала в мастерской, и вдруг мне разбили окно.

— Разбили окно?

— Да, таким тяжёлым мячиком, каучуковым, помните, у нас были в детстве? Ах нет,

вы не помните, вы ещё молоды... Стекло, конечно, разлетелось вдребезги, а мячик... куда же я его дела? Гоша!

Гошка вжал голову в плечи.

— Вы спросите у моего внука Георгия, кажется, он забрал этот мячик.

И вовсе не он! Чуть что, сразу Гошка! Мячик забрал Антон и всю неделю учился его так же ловко подкидывать и не глядя ловить, как это делал старик. У него уже три раза получилось. А ведь мячик — улика!

— Хорошо, спросим. Вы отдыхайте, Ольга Львовна, и не переживайте. Коллекция картин — вещь заметная, отыщем.

Потом следователь Васильчиков по очереди допросил Митеньку и Гельку с Енешой. Гошка замучился бегать под окнами. Митенька смущался, во всём винил себя и постоянно что-нибудь ронял. Записывать его путаную речь было очень трудно: он пере скакивал с одного на другое, через каждое слово извинялся, охал, начинал сначала, и так без конца, пока следователь Васильчиков не вздохнул:

— Ладно, вы успокойтесь, валерьянки там выпейте, поспите...

Гелька на допросе вела себя смело. Заявила, что вообще-то детей не имеют права допрашивать без родителей. Следовательно Васильчиков крикнул и сказал ласково:

— Да это и не допрос вовсе, просто поговорим. Или вы не хотите, чтобы картины нашли?

— Конечно, хотим! — закричали хором близняшки.

И рассказывать тоже начали почти хором. Но, в общем, ничего нового следователь Васильчиков от них не узнал.

— А вот не так давно у вашей бабушки в мастерской окно разбили, не знаете кто? — под конец разговора спросил он.

— Нет, — дружно ответили близняшки.

— Ладно. Найдите-ка мне вашего брата, а я пока соседей опрошу, может, кто что слышал.

И следователь Васильчиков пошёл к Антоновой тётке. Гошка спрятался от него за углом дома, потом подбежал к окну детской, где сидели Гелька с Енешей.

— Послушаем, как Антона допрашивают?

— Конечно! — ответили девчонки и перемахнули через подоконник.

— Ничего не понимаю! — кипятился следователь Васильчиков. — Ольга Львовна, хозяйка дома, где было совершено ограбление, присутствовала при ограблении?

— Ну да, — растерянно отозвался Антон.

Гошка услышал, как заскрипел под следователем Васильчиковым стул.

— погоди. Вот ночь, темно. Ты выглядываешь в окно. Что же ты, смог разглядеть Ольгу Львовну?

— Нет, я её не видел, но раз кто-то с ней разговаривал, по имени её назвал, значит, она там была? Не со стенкой же он говорил?

— Ага... а его ты хорошо разглядел?

— Ну, вроде...

— Вроде или хорошо?

— Я не знаю! Сами говорите: темно было. Я видел, что там двое мужчин точно, один подавал из окна папки и коробки, а другой принимал.

— А тебе не показалось странным, что ночью из дома что-то выносят, тем более картины?

— Показалось, — согласился Антон. — Но я подумал, может, машина задержалась или вообще так надо. Я не очень-то в картинах разбираюсь.

— Что ж ты, друг сердечный, тревогу не поднял?

— Так если Ольга Львовна... и Митенька... на реставрацию...

— Спёкся, — шёпотом констатировала Гелька.

— Тихо! — шикнула Енеша. — Дай послушать!

— Я вообще молчу!

— Да хватит уже! — боясь пропустить самое главное, зашипел на сестёр Гошка.

— Да, запутанная история, — вздохнул следователь Васильчиков и добавил строго: — Вот что, Антон, хоть ты и мало что видел, но всё-таки будь осторожен — ты теперь у нас главный свидетель.

БЛОКНОТ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Потерпевшая - Ольга Львовна Петрова-Метерлинская, 64 года, постоянно проживает в НИИ, живёт одна, на данный момент гостят внуки в количестве 4 человек и Кузякин Дмитрий Иванович. Сосед Кулаков А. (13 лет) утверждает, что один из грабителей разговаривал при обращении с потерпевшей.

Застрахованы ли картины?

Свидетели: 1) Дмитрий Иванович Кузякин, 24 года, гражданин США, проживает в г. Москве, ул. Большие Каменщики, д. 21 г. кв. 15. Паспорт предоставить не смог (?????), только рабочее удостоверение. Во время преступления находился в доме пострадавшей в служебной командировке. Ранее не привлекался. Утверждает, что в РФ недавно (2 года) родился и вырос в США в семье эмигрантов.

ПРОВЕРИТЬ!!! Кулаков А. видел из окна своего дома, как Кузякин (не точно) ночью передавал из окна кому-то папки с документами или картинами.

2) Антон Кулаков, 13 лет, внук Соболевой Н.И., проживающей по ул. Ореховая, 10.

Подозреваемые - ?????

Глава десятая,

*в которой Енеша перечитывает журнал
и устраивает склад улик,
а Гелька знает,
что она ничего не знает*

Сегодня обед готовили девчонки, ведь бабушка пока не вставала. Доктор опять приходил, опять мерил давление, пульс, слушал, осматривал... И сказал наконец:

— Постельный режим пять дней минимум. Отправьте кого-нибудь в аптеку, пусть купят вот эти капли. Вам надо повышать жизненный тонус, Ольга Львовна, что ж вы так совсем расквасились?

— Ах, Лёшенька, ведь все картины! Все! Я же всю жизнь!.. Господи, Пётр Яковлевич мне этого не простит, не уберегла, а ведь он так верил в меня...

— Ну, допустим, Петру Яковлевичу сейчас всё равно, — заметил дядя Лёша, но бабушка гневно его перебила:

— Что значит «всё равно»?!

— Тише, тише, не волнуйтесь! — тут же засуетился дядя Лёша и продолжил строго: — Ольга Львовна, вот рецепт. Вставить вам нельзя. Это очень серьёзно. Сердце у вас совсем надорвано. И не надрывайте его ещё больше. Думайте не только о картинах, но и о внуках, которым вы нужны.

Бабушка отмахнулась. Глаза её опять стали влажными.

В коридоре дядя Лёша поймал Енешу.

— Женечка, у вас есть чем пообедать? Бабушку нельзя беспокоить.

— Ну... мы приготовим, — пообещала Енеша, и доктор ушёл.

Девчонки долго колдовали на кухне, Гошка слышал, как они кричат друг на друга, как разбилась тарелка и упала кастрюля, но всё равно — обед есть было невозможно. Митеньку всего передёрнуло, когда он взял в рот первую ложку странного варева.

— Это суп харчо, — пролепетала Енеша. — Мы по рецепту готовили!

— Давайте я на ужин макароны сварю, — дипломатично предложил Митенька.

После обеда Гошка забежал к Антону. Он показал ему все записанные допросы и многозначительно повторил слова следователя:

— Теперь ты у нас главный свидетель!

Антон вздохнул. Ему совсем не нравилась его новая роль. Во-первых, он ничего толком не помнил, а во-вторых, утром Гелька злорадно намекнула, что главные свидетели часто становятся главными подозреваемыми. Или долго не живут. В общем, не по себе было Антону.

— Значит, так, — важно продолжил Гошка, — сейчас я тебя подробно допрошу, мне ты можешь всё рассказать! Пойдём в штаб, сразу в журнал и запишем.

«Допросит он меня... друг, называется!» — думал Антон, перелезая через забор.

В штабе была Енеша. Она сидела на ящике у окна и читала журнал ДА. Солнце заливало её всю, золотило волосы, собранные в небрежный хвост, две прядки выпали и обрамляли лицо. Антон остановился в дверях и подумал, что, конечно, он влюблён в Енешу, а не в Гельку! Это окончательно! Гелька прикольная, но всё-таки не такая красивая.

— Послушайте, мальчики, — задумчиво начала Енеша, оторвавшись от журнала и глядя будто сквозь них. — Кажется, мы пропустили кое-что.

Антон с Гошкой переглянулись и забрались на ящик рядом с Енешей.

— Вот, смотрите... помните, мы дали Матвейке журнал, чтобы он не ныл? И вот что он написал! — Енеша ткнула пальцем в последнюю запись.

Корявыми печатными буквами было выведено: «Я играл в саду. Я нашол пугавицу. Она красивая. Вот такая. М.»

— Сколько ошибок! — скривился Гошка.

— Ты зануда! — возмутилась Енеша. — Он же маленький! Зато он обнаружил улику!

— Подумаешь, пуговица!

— Нет, Енеша права... — протянул Антон, всё не сводя с неё глаз. — Надо выпросить у него подробности!

Матвейка сидел в песочнице. Он построил из веточек железную дорогу и пустил по ней свой игрушечный паровоз.

— Нечётный по второму! — радостно объявил Матвейка и запыхтел паровозом.

Джетро ткнулся было в песочный вокзал, но Антон ухватил его за загривок. Если железная дорога сломается, то разговаривать с Матвейкой станет бесполезно.

Енеша подсела рядом. Скрутила из трёх веточек что-то отдалённо напоминающее шлагбаум, укрепила рядом с дорогой, сказала сладким голосом:

— Матюш, а где пуговица? Вот эта, — она ткнула в рисунок.

Матвейка сразу набычился, отодвинулся. Потрогал шлагбаум, ладошкой провёл дорогу для машин.

— А зачем вам? — спросил он.

— Ну... — начала Енеша, но в Гошке вдруг проснулось братское чувство, и он сказал правду:

— А вдруг это улика! Ты где её нашёл?

— Под бабушкиным окном! — тут же выпалил Матвейка. — А там ещё чьи-то

следы! А пуговицу я спрятал!
А возьмите меня с собой!

— Тащи пуговицу, возьми, — сказал Антон и вздохнул. — Куда ж мы без тебя.

Матвейка покопался в углу песочницы и протянул Антону пуговицу. Она была обычная, крупная, коричневая.

— Будто от пиджака, — сказал Гошка. — Пойдёмте в штаб.

В штабе Енеша порылась в старом шкафу с покосившейся дверцей и достала большую жестяную коробку.

— Вот! Сюда мы будем складывать улики по делу о похищенных картинах.

И она опустила в коробку Матвейкину пуговицу. Антон вздохнул и положил туда мячик старика. Гошка достал из кармана замызганный уже платок с инициалами А.П.М.

— Коробку я спрячу, — сказала Енеша многозначительно.

Тем временем Гелька шла по бабушкиной просьбе в аптеку. Шла и думала об ограбле-

нии. Как-то странно... Во-первых, положи руку на сердце, кому нужны эти картины? Ну ведь не Пикассо их Пётр Яковлевич Мухин, не Рафаэль. Задорого их не продашь. Значит, тут либо злой умысел с целью свести бабушку в могилу, либо у какой-то картины есть тайна. Но кому надо сводить бабушку в могилу? Она даже поссориться ни с кем толком не может, всех любит. Значит, остаётся тайна картины. Но какой? Сколько их было? Штук пятьдесят, наверное, а может, сто. Нет, так много быть не может, бабушка вон сколько за одной сидит, иногда целый месяц, а иногда ещё дольше. Так жизни не хватит — сто картин нарисовать!

— Здравствуйте, барышня! — окликнул Гельку с крыльца библиотеки Семён Викторович. — Как ваша бабушка? Говорят, произошло ограбление? И место преступления, говорят, не дало никаких весомых улик?

Место преступления! Ну конечно! Ведь все сначала осматривают место преступления! А они с момента ограбления даже не зашли в Музейную! Ни окна не проверили, ни землю под окнами! Что бы сказали Шерлок Холмс,

Ниро Вульф, Фандорин и остальные великие сыщики? Гелька даже остановилась и уставилась на хозяина библиотеки.

— Ой, вы не удивляйтесь так! — понял он по-своему её изумление. — Следователь Васильчиков, который у вас был, мой племянник.

Я ему и говорю: «Ванюша, дорогой мой, ты уж постарайся, расследуй хорошенько, ведь Ольга Львовна мой друг...»

Гелька кивнула. Она слушала, что лопотал библиотекарь, а сама наблюдала за его лицом. Определённо, он что-то скрывает. Или хочет что-то у неё выпытать. Но что? Она и сама ничего не знает.

*Глава одиннадцатая,
в которой Гошка ползает на коленях,
Гелька наблюдает,
а Митенька хвалит Матвейку*

Лупу пришлось купить на свои собственные копилочные деньги. Но как без лупы осматривать место преступления?! Гошка ползал под окном уже полчаса. Следы виднелись явно. Два больших, взрослых, от сапог или ботинок.

— Надо зарисовать, — сказала Гелька.

Она стояла рядом с видом знатока и наблюдала, как Гошка ползает по земле. Прибежала, руками машет: «Место преступления! Место преступления! Самое важное!» Подумаешь! Он и сам уже догадался, что надо всё осмотреть! Строит из себя мисс Марпл!

— Возьми и зарисуй, — буркнул Гошка и с удивлением увидел, что Гелька послушно кивнула и открыла журнал ДА. Ничего себе! Надо с ней почаще так строго разговаривать!

Пока Гелька зарисовывала след подошвы, Гошка сделал важное открытие: окно в Музейную не было взломано, его явно открыли изнутри.

— Я в комнату, — небрежно бросил он Гельке и переместился в дом.

Конечно, в комнате давно навели порядок. Бабушка специально просила об этом Митеньку.

— А разве для следствия не надо оставить всё как есть? — изумился он.

— Там уже всё осмотрели, и я спросила, можно ли нам прибраться. Не могу видеть всё это... Мне сказали, что можно.

И Митенька, добрая душа, усердно собирал обрывки бечёвок, пустые коробки, расставлял стулья и мыл пол.

Сейчас, стоя посреди комнаты, Гошка сказал сам себе:

— Странно...

— Что? — окликнула его через открытое окно Гелька.

— Странно, говорю.

Гошка опять упал на колени и пополз по комнате. У самого окна он нашёл застрявший

между досками пола осколок. Хорошенько рассмотрев его в лупу, догадался: это — всё, что осталось от фарфоровой статуэтки «Пират с попугаем». Жалко! Пират Гошке нравился. Но, значит, Антон не врёт: по крайней мере одна статуэтка в ту ночь разбилась. Только вот зачем грабителям тратить время, чтобы убирать осколки? Ведь Гошка заходил в Музейную в то же утро: никаких осколков не было. И следовательно об этом Антону говорил. Странно, очень странно.

Гелька зарисовала след в журнале и решила, что всё-таки надо допросить библиотекаря. Подозрительное лицо, и взгляд непростой. А когда говорит, всё время рот рукой прикрывает. Явно что-то утаивает. Однозначно. Что бы сказал доктор Лайтман, если бы она пропустила такой явный признак

лжи? Гелька положила журнал на подоконник и побежала в библиотеку.

— А, милая барышня! Снова здравствуйте! Как бабушка поживает?

— Хорошо поживает... — ответила Гелька, пристально всматриваясь в лицо Семёна Викторовича. — А вы как поживаете?

— Хи-хи, — глупо хихикнул тот, прикрыв рот худой, похожей на высушенный лист ладонью.

Да он и весь был худой, сморщенный, маленький. И ещё сутулился, будто хотел стать как можно незаметнее. Это Гельке тоже казалось подозрительным.

— Как может поживать старый человек, милая вы моя? Как все старые люди: хвори, лекарства, диетическое питание... Вот одна отрада — библиотека. А вы что хотели взять почитать?

— Я? А, ну да... М-м-м-м-м... Я про Шерлока Холмса взять хочу.

— О, любите детективы? Я тоже люблю, — он опять хихикнул. — Мне показалось, что

вы и сами не прочь расследовать то загадочное происшествие, которое имело место быть в вашем доме, а?

«Разговаривает как Митенька», — подумала Гелька и ничего не ответила. Но Семён Викторович не сдавался. Он принёс Конан Дойля и, протягивая Гельке, спросил опять:

— Наверное, своё расследование затеваете? Зря, по-моему. Что могут дети и старики в этом мире? Сидеть тихонько и ждать, когда взрослые и молодые справятся с бедами, свалившимися на них. Вот и вся наша доля.

— Вот ещё! — возмутилась Гелька, но как-то механически. Она внимательно наблюдала за библиотекарем. Когда он говорил про расследование, брови его сами собой сошлись вместе и опустились, а тонкие губы вытянулись в ниточку, так сильно он их сжал. «Гнев, — тут же отзывались в Гелькиной голове все сериалы и прочитанные по этой теме книги. — Он злится!» А когда Семён Викторович заговорил про место детей в этом мире, уголок рта презрительно приподнялся.

Он презирал детей. Их конкретно или всех детей вообще, понять было трудно, но и этого Гельке хватило, чтобы удостовериться: библиотекарь явно имеет отношение к преступлению! Понять бы только какое.

— В общем, мой вам совет: не вмешивались бы вы в это дело, а то мало ли что...

— Вы мне угрожаете? — совсем растерялась Гелька.

— Я? Хи-хи! Ну что вы, милая, как я могу угрожать? Вы посмотрите на меня: дряхлый, больной старик...

Гелька и смотрела. Во все глаза. Не такой уж он был дряхлый. Да и по возрасту — вряд ли намного старше бабушки, а она у них очень бодрая. Ну, когда не болеет. И Гелька не слепая: видит яростный блеск в глазах, сведённые брови и морщины на лбу! Сильно, сильно злится тихий библиотекарь Семен Викторович Чуканов. Надо бы бабушку о нём расспросить.

— Ну я пойду... До свидания!

И, прижав к груди книжку, Гелька выскочила из библиотеки. Всю дорогу она вспоминала

лицо Семёна Викторовича, и как-то неуютно ей было.

На крыльце дома её ждали Гошка и Енеша. Оба были сердитые, красные, видно, только что ругались. Енеша стояла скрестив руки на груди — верный признак, что её не переубедить. Гошка тоже, в общем-то, не собирался уступать: губы сжаты, а уголки чуть приподняты. Интересно, о чём это они спорили?

— Вот ты дура, да?! — набросился Гошка на Гельку, не успела она и двух шагов от калитки сделать. — Совсем ничего не соображаешь?!

— Прекрати на неё орать! — закричала Енеша.

Гелька даже застыла на месте. Чтобы сестра за неё заступилась? Сейчас небо упадёт на землю!

— Вы обе дуры! И вообще... вообще... вы пособницы преступника, вот что! А может, и соучастницы!

У забора присвистнули. Они обернулись как по команде: Антон смотрел на Гошку как на сумасшедшего.

— Ничего себе обвиненьице!

— Ага, а ты знаешь, что твоя распрекрасная Гелечка сделала? Журнал оставила на подоконнике! И он пропал! А эта ещё заступается!

— Я не заступаюсь! И я не «эта»! — закричала Енеша.

— Как пропал? — ужаснулась Гелька.

— Ничего себе! — присвистнул Антон.

— Вас бабушка зовёт! — вклинился в общий гам Матвейка, который как раз выходил из дома и прижимал к груди журнал.

Гошка вырвал его из рук брата и стал нервно листать.

— Где ты его взял?

— Мне дядя Митя дал. Сказал, что очень интересно и что я молодец: в школу не хожу, а писать умею.

Ребята переглянулись.

— Простите, пожалуйста, я совершенно не понимаю, как могла его оставить! — поспешно сказала Гелька.

— Ну вот, и ничего с твоим драгоценным журналом не случилось, — фыркнула Енеша.

— Не нравится мне, что его кто-то читал, — нахмурился Антон.

— И вообще, чего этот Митенька не уезжает? — возмутился Гошка. — Картины пропали, работать ему не с чем, чего он здесь торчит?

— Он тебе мешает, да? — тут же взъядрилась Енеша.

— Да нет... просто подозрительно это.

— Вас бабушка зовёт, — напомнил Матвейка.

Глава двенадцатая,

*в которой Антон и Джетро следят
за таинственным стариком, Митенька
подскакивает, а Енеша рисует план посёлка*

Бабушка стояла на кухне и пекла печенье. На подоконнике сидел Митенька, жевал жимолость и рассказывал что-то о Микеланджело. Зубы у него уже посинели от ягод. Гошка вдруг заметил, что Митенька плохо выглядит. Румянец пропал, под глазами тени, будто он много ночей подряд не спит. Неужели правда из-за картин переживает?

— Бабушка! — закричали девочки, появившись на пороге кухни. — Тебе нельзя вставать!

— Мне нельзя бездействовать! — сурово ответила бабушка, а Гошка отметил, что голос у неё бодрый и даже весёлый. — Если никто не может найти картины, я сама их найду. Это мой долг!

Митенька поперхнулся, уронил на пол целую горсть ягод, извинился, слез с подоконника, начал собирать.

— Вот-вот! — подхватила Енеша, броса-
ясь Митеньке на помощь. — Дядя Лёша ска-
зал тебе лежать, а ты в детектива собралась
играть!

— Не читай мне нотации, — поморщи-
лась бабушка. — И вообще, я лучше знаю,
что мне нужно. Человек всегда должен

прислушиваться к своему организму. Вот моему организму совершенно необходимо сейчас выпить чаю с миндальным печеньем и пойти купаться. Кто со мной?

— Я!!! — крикнули все, кроме Митеньки.

Он смотрел на них ласково и радостно, будто первый раз видел, чтобы дети и взрослые так по-дружески общались.

На озеро Митенька тоже пошёл. Там было хорошо. Бабушка велела расстелить пляжные коврики, а сама достала из сумки полотенца и книжку.

— Всё-таки какая здесь красота... — вздохнул Митенька. — Прямо уезжать не хочется.

Енеша вытянулась в струнку. Лицо — несчастное.

— Так и не уезжайте, — пожала плечами бабушка. — Дом большой, человек вы неприхотливый и в искусстве разбираетесь — живите.

— Ох, спасибо, Ольга Львовна! Но раз картин нет, то командировка моя закончена...

Енеша отвернулась, и Гошка заметил, что ресницы у неё задрожали.

— Ну... в конце концов, — продолжила бабушка, — вы можете изучать пока те картины Петра Яковлевича, которые не украли.

И вдруг Митенька подскочил. Всерьёз подскочил, на самом деле. Он только уселся на коврик, вытянув длинные ноги, и начал снимать белые туфли, а тут прямо подпрыгнул, туфля соскочила с ноги и, описав полукруг, улетела в кусты. Джетро бросился за ней. Но Митенька даже не посмотрел в сторону пса! Он не сводил глаз с Ольги Львовны, как будто она сказала что-то такое, что спасёт его жизнь.

— Какие картины?!

— Которые не украли, — повторила бабушка. Гошка и Гелька переглянулись.

Странная у Митеньки реакция, как-то это чересчур.

— Некоторые картины художника Мухина висят на стенах в его доме. Они так хороши, что просто жалко было их прятать в коробки, — объяснила бабушка.

Митенька рассеянно погладил Джетро, который принёс ему туфлю.

Потом они долго купались, загорали, ели печенье, играли с Джетро — бросали ему мячик. Не каучуковый, который был уликой, а специальный собачий. Один раз Антон ки-нул мячик далеко, через кусты, и Джетро бросился за ним, а Антон — за Джетро. Когда они вернулись, у Антона были огромные глаза. Он подсел к Гошке и зашептал в ухо:

— Там старикан этот!

— Какой?

— Ну какой-какой... Который с призраками разговаривает. Сидит в одних трусах семей-ных, наш мячик подобрал и подкидывает.

Гошка подкрался к кустам и стал вглядываться в них, пытаясь увидеть сквозь ветки загадочного старика. Но кусты были густые, а светиться перед возможным преступником не хотелось.

— Ну уж, преступником... — сказал Антон неуверенно.

— Ну, знаешь, — тут же закипел Гошка, — хороший человек окна в чужих домах бить не будет! Может, он и есть вор?

— Да ну... он старый совсем.

— Может, он организатор? Идейный вдохновитель?

— Да зачем ему картины?

— Потому что искусство — бесценно! Так бабушка говорит.

Антон только вздохнул. С бабушкой не поспоришь. Он мог бы, конечно, сказать, что всё-таки он — главный свидетель и готов поручиться: не было той ночью никакого старика у них на участке. Но беда в том, что чем дальше, тем больше Антон запутывался, что было, а чего не было.

— Надо за ним проследить, — сказал Гошка таким тоном, будто это он был командиром ДА, а вовсе не Антон.

— Я прослежу. Всё равно надо мячик забрать.

Каждый раз, когда старик подкидывал мячик, Джетро скулил и рвался с поводка. Антон сначала шипел на него и цыкал, а потом решился. Как только старик остановился у хлебного киоска, Антон подошёл и вежливо сказал:

— Здрасьте... это наш мячик. Отдайте, пожалуйста.

Джетро твякнул, а Антон мучительно покраснел, потому что именно в этот момент некстати вспомнил, что мячик старика лежит у них в штабе в жестяной коробке.

— А, черникальщики! — как будто даже не удивился старик. — С самого пляжа меня провожаете? В самом деле ваш мячик?

— Это его, — Антон кивнул на Джетро, снимая с себя ответственность.

Старик присел перед Джетро, погладил по голове, а тот — ну хоть бы рыкнул! Антон сердито натянул поводок.

— Правильно, — одобрил старик, — собака не должна позволять чужому человеку себя гладить. Держите свою игрушку.

Он сунул Антону в руки мячик и повернулся к окошку киоска.

— Бородинского, будьте добры.

Антон побрёл к дому бабушки Лёли. Ничего интересного он не узнал. Ну, кроме того, что незнакомый старик любит собак, а они — его.

Енеша разложила на столе лист ватмана. Пора брать дело в свои руки. А то, похоже, Гошка всерьёз готов обвинить бедного Митеньку в краже! Дурак этот Гошка! Нашёл кого подозревать! самого доброго, чуткого и беззащитного! Енеша прочертила дорогу. Рисовать она совсем не умела, но здесь большого умения и не надо, главное понять, что где находится, кто где живёт,

кто мог подобраться к окну Музейной комнаты. Так, здесь у нас библиотека... Если свернуть налево, пройти по Луговой улице, то выйдешь к перекрестку с Ореховой улицей, и вот их дом.

Енеша любовалась рисунком. Нарисовала тропинку от их дома к заброшенному. Тоже недалеко получается. Стоп. А ведь между библиотекой и домом бабушки Лёли, если не через мостик, а по прямой, — совсем ничего. И тропинка там есть. Которая выходит как раз к Музейной комнате! Так-так-так... что там Гелька говорила про напряжённые уши?

— Привет! Чего делаешь? — Антон перемахнул через подоконник и втянул следом Джетро.

Енеша нахмурилась.

— Дверь вообще-то есть.

— Да ну, там ваша бабушка показывает Митеньке картины, мимо не пройдёшь, начнёт мне тоже лекцию по изобразительному искусству читать.

— Ну и послушал бы! Тебе полезно!

— С чего бы это? — удивился Антон.

— Просто.

Енеша сердилась на Антона, что он против Митеньки свидетельствовал. Антон пожал плечами, посмотрел на карту, нарисованную Енешей, и сказал:

— О, прямо равнобедренный треугольник получается.

Антон провёл пальцем по карте, соединив три точки: библиотеку, дом бабушки Лёли и заброшенный дом.

— Какой треугольник?

— Равнобедренный. Видишь, вот тут и тут расстояние одинаковое.

— И что? — удивилась Енеша.

— Ничего. Просто так.

Журнал ДА

Между прочим, сокрытие улик
карается по закону! И сокрытие
фактов, важных для следствия, —
тоже! Поэтому я не буду молчать,
как бы Енеша ни психовала!!!

Я — не психую! Просто я считаю,
что нельзя голословно обвинять человека!

А я не обвиняю! Я просто хочу
записать факты!

Пиши уже, Тошка, а ты, Енеша, не
играй бумагу. Лучше подлей в жур-
нал свою карму.

А ты не командуй!

Вообще-то мы сами выбрали
его командиром.

Геля

Так! Отстаньте, дайте мне написать
спокойно всё, что я видел!

Итак: сегодня я зашёл в комнату
Митеньки, а он сидел и пришивал
пуговицы к куртке.

Пуговицы были другие,
ты сам сказал!!!

Да, они были другие, но всё равно:
Митенька пришивал пуговицы. Все
пуговицы. Есть подозрение: узнав
из нашего журнала, который кое-
кто не очень умный оставил
без присмотра...

Я извинилась!!!!

...что Матвейка нашёл пуговицу,
он спорил с куртки те пуговицы
и пришивает теперь новые. По-
моему, логично, да? Но это ещё
не всё! Дальше пусть рассказывает
Телена Крымова.

Рассказываю: я зашла в Колчану-
бёз-углов, хотела с Гошкой поделиться,
как я библиотекаря допрашивала, а там
Митенька, он снял картину с лореи и раз-
глядывает.

Геля

Ну и что? Это что, преступление?
Он вообще-то искусствовед!

С обратной стороны рассламфивает!
А когда ленья увидел — быстро повесил
её на место. И говорит: «Удивитель-
ный художник этот Мухин, правда?»

Вот видишь! Он просто любит
картины! ♥

Ага, с обратной стороны! В общел, тут
есть какая-то тайна. И мы должны выяс-
нить какая!

Должны — выясним.

Анимон

*Глава тринадцатая,
в которой Енеша рассматривает
старую афишу, а Гелька устраивает допрос*

Гелька проснулась в ужасном настроении. Она не могла перестать думать о библиотекаре. «Что-то тут не так, что-то я упускаю», — терзалась Гелька. Надо было поговорить с Гошкой, обсудить, но после наезда по поводу оставленного журнала даже смотреть в его сторону не хотелось. Подумаешь, начальник!

«Поговорю пока с бабушкой», — решила Гелька.

Бабушка опять лежала в постели, разглядывала журнал «Кукольный дом». Но как-то скучно разглядывала, без интереса.

— Доброе утро, — сказала она Гельке.

— Доброе. Как ты себя чувствуешь?

Бабушка только рукой махнула. Про своё здоровье, как и про украденные картины, она упорно не хотела говорить. А они-то обрадовались, что вчерашнее купание пошло ей на пользу!

— А тебе библиотекарь... как там его... привет передавал.

— А, Семён Викторович! Спасибо. Ты ходила в библиотеку?

— Да нет, просто мимо шла.

Они замолчали. Гелька лихорадочно соображала, как бы вывести бабушку на разговор про этого Семёна Викторовича. Да, трудно ей без Енешиного умения общаться.

— Он твой старый друг, да? — напрямик спросила она.

— Кто?

— Ну, Семён Викторович.

— Можно и так сказать. Вообще-то он старый друг моего учителя, — бабушкины губы болезненно дрогнули. — Кажется, даже его родственник по жене. Не знаю точно, при жизни учителя мы с ним почти не общались, так, виделись пару раз... Но когда Пётр Яковлевич умер, мы сдружились. Семён мне с домом помогал и с ремонтом... А ты почему спрашиваешь?

— Просто так.

Гелька чмокнула бабушку в щёку и выскочила из комнаты. Ей всё было ясно! Ясно

как день! Дальний родственник, говорите? Ха-ха-ха! Тех, кто читал «Собаку Баскервилей», дальними родственниками не проведёшь! Дальние родственники — первые подозреваемые! Теперь-то понятно, что всё дело в наследстве и что в преступлении есть заинтересованная сторона — дальний родственник жены художника Семён Викторович Чуканов! Значит, пора допросить его с пристрастием.

Бабушка отложила журнал, задумчиво посмотрела в окно. Потом позвала Енешу.

— Поднимись на чердак, моя хорошая, там на этажерке стоит моя старая шкатулка для рукоделия. Принеси, пожалуйста.

— А Гошка не может сходить, что ли? — заныла Енеша.

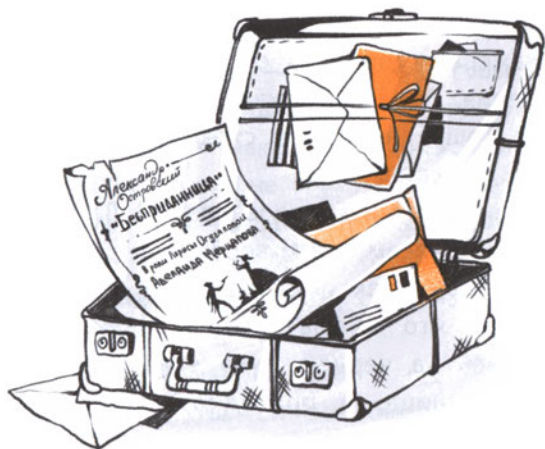
Вообще-то на ней новое платье! Лазить по чердакам в таком — это вообще...

Но бабушка так подняла бровь и так посмотрела, что Енеша больше не спорила. Поплелась на чердак. Туда вела скрипучая узкая лестница, и приходилось держаться

за перила, мало ли. На чердаке было пыльно и пусто. Бабушка не любила складировать всякие ненужные вещи. У окна стояла этажерка, а под ней — помятый допотопный чемодан. Шкатулка и правда была на этажерке. Енеша потянулась за ней, но зацепилась ногой за чемодан и грохнулась на пыльный пол.

— Дурацкая штукавина! — Енеша пнула чемодан, попала прямо по замку. Он щёлкнул и отскочил.

Конечно, Енеша была бы не Енешей, если бы не заглянула внутрь хоть краем глаза.

Мало ли какие там сокровища лежат! Она приоткрыла крышку и разочарованно вздохнула. Никакой компенсации за грязное платье и ноющие коленки! Чемодан был битком набит старыми бумажками. Грамоты, договоры с картинными галереями, письма... О, а это что? Енеша развернула огромный пожелтевший лист и замерла. Это была театральная афиша. Внизу был нарисован силуэт женщины с заломленными руками, в длинном платье и широкополой шляпе, в неё целился из пистолета щедедушный человечек. «Александр Островский. Бесприданница», — было напечатано по центру крупными красными буквами, а чуть ниже, после фамилий режиссёра-постановщика и художника, стояло: «В роли Ларисы Огудаловой — Аделаида Мерцалова». А. М.!

Енеша вздрогнула, аккуратно свернула афишу и спрятала под платье.

— Здравствуйте!

Библиотекарь Семён Викторович стоял у стеллажа, пытаясь втиснуть между другими

книгами какой-то толстенный том. От Гелькиного приветствия он вздрогнул и уронил книгу. «Энциклопедия загадок и таинственных происшествий», — прочитала Гелька на обложке.

— А! Гелена! Здравствуйте, здравствуйте! Опять за книжкой или так, поболтать со стариком?

Гелька растерялась. Как он понял, что она «поболтать»? С чего он вообще это взял? У неё что, на лице всё написано?

— Вы, кажется, испугались? — захихикал Чуканов. — Разве это так удивительно — зайти и поболтать?

— Н-нет... не удивительно... я правда, я хотела поговорить. Про картины, — бухнула Гелька. — Вы в прошлый раз сказали, чтобы мы не вмешивались в это дело, с картинами... А почему? Разве это опасно? Ну, картины же... не золото. И не убийство там какое-нибудь.

— А вы думаете, что убивают только из-за золота? Если бы, если бы... А некоторые картины, скажу я вам, дороже золота будут. И книги, н-да. Вот вы любите читать? Ну, по-

нятно, что в общем и целом любите, особенно детективы. И часто, наверное, думали: убивать из-за такого пустяка! Будто наследство стоит чьей-то жизни! Но вот представьте, что на кону не просто комфорт и сытость, а дело всей вашей жизни! Мечта! Вот ответьте мне, умная девочка Геля: можно ли убить ради мечты? Ограбить? Совершить злодеяние? Если на карту поставлена мечта? Вот вы смогли бы?

— Я?

— Ну, вы, к примеру.

— Я... я не знаю, я никогда не думала о таком...

— А я вот иногда думаю. Наши мечты бывают мучительны! Всю жизнь вы работаете как проклятый, и ведь всё ради других, не ради себя и не ради славы, просто ради любимого дела! И думаешь: вот уже близка твоя мечта, а потом вдруг... и вот смогли бы вы совершить преступление, не убийство, конечно, я не об этом, а вот хотя бы картины украсть?

— Да зачем мне эти картины! — почти закричала Гелька. Теперь ей очень хотелось убраться отсюда. Что за дурацкий разговор?

— Я чисто гипотетически. Кому-то они не нужны, а кому-то или очень нужны, или очень мешают... Понимаете, о чём я?

— Я, наверное, пойду... меня бабушка ждёт. На одну короткую секундочку Гельке показалось, что лицо Чуканова исказила гневная гримаса, но тут же он хихикнул, как обычно:

— Конечно, конечно! Привет от меня почтеннейшей Ольге Львовне. И заходите, поболтаем... о том о сём.

Гелька кивнула и выскочила из библиотеки.

— Что-то я не поняла, кто кому устроил допрос... — озадаченно пробормотала она.

Кому: Даша

Боюсь, я опоздал. Он оказался
бессовестнее, чем ты могла предположить.

Глава четырнадцатая,

в которой подозревают всех,

ДА вырабатывает план,

а Гелька придумывает романтическую историю

— Итак, — сказал Антон, — у нас три подозреваемых: неизвестный старик с мячиком, Митенька и библиотекарь. Осталось найти доказательства и вывести преступника на чистую воду.

Они сидели в ДА. Настроение было пасмурное. Уже ничего не хотелось расследовать. Хотелось только, чтобы эта история поскорее закончилась.

— Знаете, чего нам не хватает? — спросила Гелька.

— Мозгов, — мрачно ответил Гошка.

— Нам не хватает мотива. Ну украл старик или библиотекарь картины Мухина. Но зачем? Что они, такие бесценные? Вроде бы нет, иначе бы тут коллекционеры толпились. Бабушка же хлопчет постоянно о музее, куда-то пишет и столько лет не может ничего добиться!

— Может, дело совсем не в картинах? — предположил Антон.

— А в чём тогда? Ничего больше не украли...

Додумать они не успели. Бабушка позвала их пить чай, а потом заставила полоть грядки. Митенька, как назло, всё время крутился рядом — и не поговорить толком.

— Нам надо разделиться и проследить за каждым подозреваемым, — сказал Антон, как только они остались одни. — Девчонки, вы следите за Митенькой, Гошка — за библиотекарём, а я — за стариком с мячиком.

— Нельзя девчонок за Митенькой, — возразил Гошка. — Енеша необъективна, и они всё время будут ссориться.

Енеша фыркнула:

— Ну и пожалуйста! Я вообще не собираюсь ни за кем следить! Это... это глупо!

— Давайте лучше я буду за стариком следить, — решила Гелька. — А Антон за Митенькой. Гошка пойдёт в библиотеку, а Енеша...

— Я не буду следить! Я же сказала!

— Слышали, успокойся уже. Ты поедешь в Васильки, к следователю Васильчикову.

— Ну и зачем?

Тут Гелька рассказала о своём разговоре с бабушкой про библиотекаря. Она специально приберегла важную новость, чтобы впечатлить ДА. Как ни крути, а это мотив!

— Библиотекарь?!

— Думаешь, он?!

— И ты молчала?

— Я просто не успела! — защищалась Гелька.

— Разработаем план! — торжественно объявил Антон, протягивая Гошке журнал ДА.

ПЛАН

1. Гошка следит за Библиотекарем.
2. Гелька следит за стариком с мячиком, старается заговорить. Берёт с собой Джекстро. Замечено, что старик любит собак.
3. Антон следит за Митенькой.
4. Енеша едет на велосипеде в Васильки. Бабушке говорим, что надо купить что-нибудь...

Что?

?

?

?

?

?

?

Что-нибудь... придумай!
Енеша ищет следователя Васильчикова...

И где я буду его искать?

Ну... в полиции!

А что мне у него
спрашивать?

Всё что можешь, про библиотекаря.
Правда ли, что он родственник
Мухина?

И с чего Васильчиков должен это знать?

Потому что он следователь!

Потому что он племянник, мне библиотекарь
сам сказал.

Геля

Гелька уже полчаса кружила с Джетро по посёлку в поисках старика. И вдруг столкнулась

с ним нос к носу у самого дома. Старик стоял посреди улицы и задумчиво разглядывал окна мастерской Ольги Львовны. В руках у него опять был каучуковый чёрный мячик, только поменьше. Джетро гавкнул, и старик будто очнулся от своих невесёлых мыслей.

— А-а-а, здравствуй, приятель! — он приподнял воображаемую шляпу и потрепал Джетро между ушами. Тот блаженно зажмурился.

— Здрасьте, — неловко сказала Гелька.

Ну и что дальше? Что говорить-то? Совсем не получаются у неё в последнее время разговоры.

— А вы в гости приехали?

— Хмг, — сказал старик.

И всё. Ничего больше. Гелька чуть по башке себя не стукнула: ну почему она такая тупая-то? Енеша бы давно что-нибудь придумала!

— А мы вот с Джетро гуляем, — пробормотала Гелька совсем уж обессиленно.

Старик опять хмыкнул и внимательно посмотрел на Джетро.

— Отличный у вас пёс, умный.

— Да он не мой. Это Антона собака, нашего друга, но мне нравится с ним гулять. А вы любите собак?

— Хмг...

«Да что ж такое-то! — возмутилась мысленно Гелька. — Один болтает без умолку всякую чушь, из другого слова не вытянешь! Достались же такие подозреваемые... И по лицу не прочитать, брови да борода!»

— Собаки — в сфере моих профессиональных интересов, — сказал вдруг старик и усмехнулся. — Я кинолог. Знаешь, кто это?

— М-м-м-м-м...

— Я тренирую собак. Учю их искать людей под завалами, снежными лавинами, вынюхивать наркотики, преследовать преступников... ну и так далее.

— О, — только и смогла произнести Гелька, а сама подумала, что всё это не просто так. У них тут преступление, собака и кинолог, который учит собак искать преступников и часто смотрит на окна бабушкиной мастерской.

— А нас ограбили. Украла все бабушкины картины. То есть не бабушкины, конечно, а её учителя, Мухина...

Лицо старика вдруг смягчилось, и он сказал почти ласково:

— Да, я слышал. Странная история, — он пристально посмотрел Гельке в глаза. — Как себя чувствует бабушка?

— Уже лучше, спасибо.

— Вот и хорошо! — старик развернулся и пошёл в сторону озера. Гелька смотрела ему вслед. Её вдруг осенило.

— Говорю тебе, этот старикан — бабушкин поклонник! У него лицо прямо посветлело, когда я сказала, что ей уже лучше, и вообще... чего бы ему в окна её смотреть?

— Да, а мячик тогда он зачем в окно бросил? — не сдавался Гошка.

Он был не в духе. Полдня просидел в библиотеке, а ничего особенного за библиотекарем не заметил.

— Так она его отвергла, понимаешь? И он злится! Это же ясно!

— Да ну... ерунда какая-то... — вздохнул Гошка. — Они же старые.

— Ну и что? Будто старым нельзя любить!

— Может, он тогда и картины украл? В отместку! Может, он её это... ревновал!

— К картинам? — ехидно заметила Гелька.

— Ну... к учителю. А что? Ученицы часто влюбляются в своих учителей! Тем более такие... м-м-м... творческие.

— Бабушка любила дедушку!

Тут у двери ДА послышался грохот падающего велосипеда, и в сарай ворвалась Енеша. Она покраснелась, волосы её разлохматились, а ноги были в пыли.

— Вы не представляете, что я узнала! Никакой он не племянник! То есть не дядя! Вообще никто!

— Кто?

— Да библиотекарь! Я приехала в Васильки, отыскала полицию, кое-как пробились туда, меня пускать не хотели, пришлось наврать, что у меня есть важные сведения для следователя Васильчикова...

— И что ты рассказала ему?

— Про старика с мячом! А что? Пусть знает! Мало ли!

— Не, он просто бабушкин поклонник... — вздохнула Гелька.

Старика с мячиком сразу стало как-то жалко.

— Чего?! — округлила глаза Енеша, но тут же отмахнулась. — Да неважно! В общем, этот Васильчиков всё записал, а потом я навела разговор на библиотекаря и выяснила, что они вообще никакие не родственники! Они даже не знакомы!

Гошка присвистнул.

— Выходит, он мне соврал? — уточнила Гелька.

— Выходит, что так, — ехидно заметила Енеша, но Гелька даже не обиделась. И правда: как надо владеть своим лицом, чтобы она не поняла, что ей врут? Она же всегда понимает! Или ей это только кажется?

— И тогда что? — спросил Гошка. — Получается, библиотекарь украл картины?

— Погодите, ещё есть Митенька, — Гелька глянула на сестру. — Не будем сбрасывать его со счетов. Подождём Антона.

Глава пятнадцатая,

в которой следствие заходит в тупик, Митенька оправдывается, а ДА наказывают чтением

К обеду Антон не вернулся. Гелька отвела Джетро домой, но Антона не было и там, и его тётка очень удивилась:

— Разве он не у вас?

— Э-э-э-э... нет. Когда придёт, скажите, что мы после обеда купаться пойдём, ладно?

Но Антон так и не появился. Не пришёл к ужину и Митенька.

— Куда же они оба подевались? — растерянно повторяла Гелька.

— Нельзя было его одного отпустить за Митенькой следить! — в сердцах стукнул себя по лбу Гошка. — Вот мы идиоты. Он же главный свидетель!

— Погоди, — попробовала разрядить обстановку Енеша. — Может, не так всё страшно? Может, они погулять просто пошли?

— Ага, цветочки собирать и ягодки. Хватит уже своего ненаглядного защищать!

— Я не защищаю! И он не мой!

— А может, ты с ним в сговоре? Может, ты этот... пособник?

— Ну всё! — крикнула Гелька. — Хватит! Ты так, Гошка, неизвестно до чего договоришься. Давайте лучше подумаем, где Антона искать.

— Мне кажется, пора уже взрослым рассказать, — предложила Енеша. — Всё-всё!

Гелька фыркнула, но, видимо, по привычке; лицо у неё было растерянное.

— Ладно, — сказал Гошка. — Пойдёмте к бабушке.

Бабушка казалась им самым здравомыслящим человеком. Но даже она не поверила:

— Митенька? Дети мои, да вы посмотрите на него! Какой же он преступник! Он и мухи не обидит!

— Мухи — может быть, но вот Антона он мог куда-нибудь увезти!

— Послушайте, да с чего вы взяли, что они вообще вместе пошли?

Ребята переглянулись. Про слежку они решили пока не говорить.

Матвейка, сидевший на подоконнике, влез в разговор:

— Они к тому дому пошли, я их в окошко видел. Дядя Митя Антона за руку держал. Так... как меня Гелька, когда в баню тащит, а я не хочу.

Бабушка посмотрела на него глазами, полными страха и недоверия.

Гошка сходил к тёте Антона и попросил у неё Джетро, но объяснять ничего не стал. Зачем напрасно пугать пожилую женщину? Гелька взяла с крыльца Антохин башмак, но Джетро, похоже, и так знал, кого и где искать. Он с лаем выскочил за калитку, ребята бросились за ним. Бабушка перехватила Матвейку и сказала:

— Нет, дружок, нам за ними не поспеть. Лучше мы следователя Васильчикова вызовем.

За Джетро и правда невозможно было успеть, он летел стрелой.

— Будто бы точно знает, куда хозяина увели, — удивилась Енеша.

— Я тоже знаю, — фыркнула Гелька, — в заброшенный дом. Где ещё тут можно спрятать человека?

— Надо было всё-таки позвонить в полицию, — отозвался Гошка.

— Ой, смотрите!

Их догоняла полицейская машина. Из окна выглядывал следователь Васильчиков, и ещё один полицейский сидел за рулём.

— Ну что? Нашли товарища? — спросил Васильчиков.

— Идём по следу! — отрапортовал Гошка.

— Давайте-давайте, мы вас прикроем.

— Вы только близко к дому не подъезжайте, а то спугнёте, — очень серьёзно сказал Гошка. Пусть Васильчиков не думает, что если они дети, то совсем уж ничего в этих делах не понимают.

— Хорошо, хорошо!

Но всё-таки полицейские их спугнули. Когда Джетро с лаем ворвался в дом, он был пуст. Дымилась на столе брошенная впопыхах сигарета. Стояла открытой банка с тушёнкой, в ней торчала вилка. Джетро завертелся на месте,

обнюхивая ножки у стола и стульев, потом потянул Гошку через комнату и закрутился у двери в другую, скрёб её лапой и поскуливал.

— Вот что, ребята, — сказал следователь Васильчиков, — идите-ка домой. А мы тут всё посмотрим пока. Друг ваш, может, домой уже вернулся. Может, купаться без спросу бегал.

— Так собака-то, Иван Васильевич, — осторожно напомнил водитель Слава, и все посмотрели на Джетро.

Пёс нетерпеливо скулил и скрёб дверь лапой.

— Ну-ка откройте ему, — попросил Васильчиков. — А ты, Слава, дом кругом обойди.

Гошка толкнул дверь. Джетро рванул через вторую комнату и ещё через одну. Там он остановился у стены и принялся лаять. Гошка не сразу понял, что лает он на дверь, потому что та была выкрашена в один цвет со стеной.

Следователь Васильчиков щёлкнул кобурой, подкрадываясь к двери. Взглядом он приказал ребятам отойти в сторону и придержать собаку, потом дёрнул дверь на себя.

Но в странной узкой комнате было пыльно и абсолютно пусто. Только в открытое окно под самым потолком влетела бабочка и стала кружить в луче вечернего солнца вместе с пылинками. Джетро дёрнулся, вырвав поводок у Гошки из рук. Он подбежал к окну и стал лаять.

— Такое ощущение, что ваш дружок просто по небу улетел, — вздохнул Васильчиков.

— Джетро, Джетро, — ласково позвала Гелька, — Джетро, ищи!

Но Джетро искать не хотел. Он сел под окном и смущённо посмотрел на ребят, будто говоря: я сделал всё что мог.

— М-да-а-а... наш главный свидетель умеет летать, — ещё раз сказал Васильчиков, глядя то на окно, то на Джетро.

Ребята переглянулись. Ну, летать не летать, а скалолаз Антон и правда хороший.

— Пошли отсюда, — бросил Васильчиков.

Они вышли из комнаты, только Енеша на секундочку задержалась. Среди прочего хлама она увидела обрывок старой пожелтевшей афиши, на которой было написано: «Катерина — Аделаида Мерцалова». Енеша свернула бумагу и сунула в карман.

Все вышли из дома на крыльцо. Водитель уже обошёл дом и топтался возле машины.

— Упустили?

— Упустили, Слава. Ты никого, кстати, не видел? Окурки на столе ещё дымится.

— Нет, Иван Васильевич, никого. Я дом обошёл, как вы велели.

— Упустили, — повторил Васильчиков и задумчиво посмотрел на ребят. — А и в самом деле... «был ли мальчик»? А?

— Вы что?! — возмутился Гошка. — Как это не было?

— Ладно, разберёмся, — махнул рукой следователь Васильчиков. — Всё, топайте домой!

Что оставалось делать? Они потопали. Только Джетро пришлось взять на руки, потому что он никак не хотел уходить от дома.

— Не переживай, найдём Антоху, обязательно найдём, — пообещал ему Гошка.

Митенька сидел на кухне и что-то оживлённо рассказывал бабушке, которая перебирала клубнику. У Гошки аж в глазах потемнело: он! сидит спокойно! на их кухне! а Антон! неизвестно где!!!

— Куда вы Антона дели?!

— Антона? — растерянно переспросил Митенька. И лицо такое сделал удивлённое, даже Гелька смутилась.

— Куда вы его увели?! — закричал Гошка.

— Я... никуда не увёл... он сам... просил сходить с ним на озеро, потому что тётя его одного не пускает, а вы все заняты были...

— Да? А Джетро почему не взяли?

— О боже, но ведь он никому плавать не даёт! — застонал Митенька. — А я Антона обещал научить плавать брассом.

Это была чистая правда. Стоило кому-то зайти в озеро, как Джетро начинал метаться по берегу, скулить, а потом и вовсе бросался в воду, доплывал до первого же человека

и цеплялся за руки. Приходилось вытаскивать его на сушу. Обычно если они брали Джетро на озеро, то купались по очереди.

— А мы... а нас почему не подождали? Мы вместе всегда ходим! Вы Антона похитили!

— Да зачем мне его похищать? С какой целью?

Тут все заговорили разом:

— Он — главный свидетель!

— Если вы просто купались, то куда он делся?

— Да, мы купались, потом я в магазин пошёл, а он домой, я ведь ему не нянька, я...

— Всё! — рассвирепела тут бабушка. — Хватит морочить нам голову! Что вы от него хотите? В чём обвиняете? И на каких основаниях? Просто потому что он ходил купаться с Антоном, а вас не позвал? Я не желаю ничего слушать! А если вам нечем заняться, то идите читайте книжки! Меньше будете следствию мешать!

Все замолчали.

— Я это серьёзно. Насчёт книжек, — сурово продолжила бабушка. — Марш в Комнату-без-углов!

И Ольга Львовна сама проводила их туда, вручила каждому по книжке, даже Матвейке, хотя он совсем был ни при чём, и сказала:

— Чтобы я ни звука отсюда не слышала.

Иногда даже самые прекрасные бабушки бывают очень несправедливыми. Гошка достал из-под футболки журнал ДА — после того как Митенька сунул в журнал свой нос, Гошка везде носил его с собой. Он поманил девчонок и раскрыл журнал. Ни звука, вы сказали? Ну и пожалуйста!

Журнал ДА

Случилось страшное — мы потеряли
своего командира.

Вот только давай
без лишнего нафоса!

Давай. Но ведь это факт —
командира мы потеряли.

Мне кажется, он ещё вернётся. Сам.

Конечно, вернётся! А ты что, дулаешь, его
могут... убить?

Дура!!!!

Да нет, я, конечно, ничего такого не думаю,
и вообще, ты первая начала!

Давайте лучше по делу.
Антон пропал. Джекстро привёл
нас к заброшенному дому,
но Антона там нет.
Ваши мысли и предложения.

Наверно, он был в той комнате
с окном под потолком.

А куда делся? ? ? ?
? ? ?

Может, они слышали наше приближение
и утащили его ещё куда-то?

Тогда Джекстро пошёл бы по следу дальше.

Мне кажется, нам надо переключиться.

В смысле?

Подумать о другом подозреваемом. Разработать другую версию. Полните: есть ещё библиотекарь и тот старикан с мячиком. А то мы зациклились на Митеньке.

Вот-вот!

Как на нём не зацикливаться, если он ведёт двойную игру! Но есть он просто странно себя ведёт.

Мы не будем о нём забывать, просто подумаем и о другом тоже! О библиотекаре!

Значит, план такой:

1. Разрабатываем библиотекаря. Идём в библиотеку, задаём вопросы, наблюдаем.
2. Продолжаем следить за Митенькой и старикан.
3. И ищем Антона!

БЕДНЫЙ ЖЕТРО ЛЕЖИТ НА СТУПЕНЬКАХ
И ПЛАЧЕТ...
Я ДАЛ ЕМУ СВОЮ КАТЛЕТУ.

М.

— Бабушка! У меня книжка закончилась!
Можно мне в библиотеку?

— И у меня закончилась!

— И у меня!

Глава шестнадцатая, в которой Гошка задаёт прямые вопросы и получает прямые ответы

— О, мои юные читатели! И целым отрядом! За новыми книжками или так, поболтать? — Семён Викторович стоял в дверях библиотеки и грыз яблоко.

— Поболтать, — сурово сказал Гошка, а девочки переглянулись. Ничего себе!

Библиотекарь тоже удивлённо вскинул брови, бросил огрызок в траву.

— Точнее, нам надо задать вам пару вопросов. Пропал наш друг, Антон, и мы его ищем. Он к вам не заходил?

Гелька смотрела на брата с уважением. Он говорил совсем как взрослый, будто он ведёт следствие по исчезновению Антона.

— Н-нет... молодёжь вообще редко сюда заходит. Ну, кроме вас, конечно! — Семён Викторович гостеприимным жестом пригласил их войти внутрь. Они вошли. Пока Гелька и Енеша собирались с мыслями, Гошка ринулся в бой.

— А вы зачем соврали Гельке?

— Я? Соврал? Боже упаси!

— Вы сказали, что следователь Васильчиков — ваш племянник. А он вам никакой не родственник!

Лицо библиотекаря мучительно сморщилось. Он посмотрел на Гельку, на Гошку и сел на стул.

— Честно говоря, — ответил он тихо, — я и сам не знаю. Оно само как-то вырвалось. Ваша сестра была так... напориста...

— Я? — удивилась Гелька.

— Да! А мне так хотелось быть в курсе событий, знать, что там происходит, и...

— А зачем вам это знать? — перебила Енеша.

— Что?

— Ну, зачем вам знать, что у нас происходит?

Библиотекарь уткнулся взглядом в свои сложенные на коленях руки. Он выглядел сейчас совсем старым и беспомощным, а главное — очень несчастным.

— Я понимаю, — кивнул он, — вы меня подозреваете. Думаете, это я украл картины.

Тем более после того, как я проговорился Гелене про мечту...

— Мне? Проговорились?

— Ну конечно! А вы разве не догадались? — вскинул голову Семён Викторович.

— О чём? — совсем запуталась Гелька, тем более что Гошка с Енешей сверлили её глазами.

— Обо мне! И о доме! О том, как я мечтал! Надеялся и верил! Это же идеальное место — ваш дом!

— Для чего?

— Да для библиотеки же! — удивляясь их недогадливости, вскричал Семён Викторович. — Ведь я не для себя стараюсь! Для всех жителей НиИ, чтобы им было куда прийти, пообщаться, и книги почитать, и поговорить... У меня здесь совсем мало места! А в вашем доме можно было бы целый клуб сделать, с кружками по интересам... И дети бы ходили, и взрослые, вот о чём я мечтал... Но Мухин распорядился по-другому, — продолжал библиотекарь с горечью, — хотя Машенька, его жена, она мне двоюродная

сестра, она тоже хотела, чтобы он дом мне оставил в наследство, да вот умерла она раньше него, а уж он распорядился... как распорядился. Думаете, это справедливо? Я ведь родственник! А ваша бабушка им вообще никто!

Ребята молчали. Бабушка постоянно рассказывала им про художника Мухина и его дом, и они так привыкли к этим историям, что у них и мысли не возникало, будто они ему — «никто».

— И вы решили украсть картины? Чтобы не было никакого музея? — прямо спросила Гелька, сразу же вспомнив их разговор про мечту и преступление ради мечты.

— Да не крал я! — застонал Семён Викторович, и Гелька заметила, что глаза у него на мокром месте. — Где мне, кишка тонка! Или чья-то мечта оказалась сильнее моей... — добавил он задумчиво.

— Мечта! — фыркнула Енеша. — Да это просто грабители!

— Ах, милая моя! Грабители грабят банки и ювелирные лавки. Поверьте, в этом деле всё не так просто, как кажется...

Из библиотеки ребята ушли в задумчивости.
— Всё-таки он противный, — передёрнула плечами Енеша.

— А мне его жалко, — призналась Гелька. — Правда, он какой-то несчастный... и очень одинокий.

Гошка молчал. Он думал, где искать Антона.

— Надо круглосуточно следить за Митенькой, — наконец сказал он девчонкам. — Просто постоянно. Митенька теперь — наш единственный подозреваемый.

— Нет, ещё старик с мячиком, — покачала головой Енеша. — Забыл?

Глава семнадцатая,

*в которой Матвейка находит ещё один тайник,
Гошка раскрывает тайну призрака,
а у Гельки возникает гипотеза*

Матвейка скучал. Все как с ума посходили, совсем его не замечают. Без Антона тоже скучно, зато Джетро теперь всё время лежит на их крыльце и можно посидеть с ним рядом, поговорить. Тётя Нина хотела его забрать, но Джетро не пошёл, а когда его унесли силой, на руках, пёс вырвался и улёгся на прежнее место.

Матвейка вздохнул и достал из тайника под крыльцом фотографию в рамке, которую он нашёл у бабушки в мастерской. Он любил её рассматривать. Девочка с косичками была такая красивая, а младший мальчик кого-то очень

сильно напоминал, только Матвейка не мог понять кого.

Матвейка перевернул рамку, потрогал железные скобы. Интересно, почему она такая тяжёлая и толстая? Вдруг за фотографией тоже тайник, как в бабушкиной мастерской? Он аккуратно отогнул скобы и снял фанерную стенку. Между ней и фотографией был вставлен сложенный вчетверо лист плотной, пожелтевшей от времени бумаги.

Гошка шёл по следу... фу, как ужасно звучит! Что он, собака-ищейка? И совсем не по следу, а просто шёл за стариком, вот и всё. Мало ли! Может, ему тоже нравится гулять около озера!

Старик зашёл в беседку на пляже, зачем-то погладил скамейку в ней и только после этого сел. Гошка юркнул в кусты сирени, окружавшие беседку. И вдруг услышал:

— Всё бесполезно! Не надо больше ходить к нам. Очень тебя прошу.

Голос был женский, молодой, грустный, но какой-то странный, будто не совсем настоящий.

Гошка вылез из кустов и подкрался ближе. Старик в беседке был один! Совсем! Может, он умеет говорить разными голосами? Енеша рассказывала, что есть такие люди. Но старик сидел, низко опустив голову, в глубокой задумчивости, а голос женщины продолжал:

— Какой смысл в твоей настойчивости? Мы разные, и судьбы у нас разные, и...

Голос оборвал фразу на полуслове, Гошка услышал щелчок и знакомый звук, похожий на шелест длинных юбок по полу. Чей же это голос? А главное — как такое возможно? В призрак Гошка больше не верил. Что он, ходит за стариком по пятам, что ли? В беседке снова раздался щелчок.

— Здравствуй, присаживайся...

— Как поживаете?

— Ах, боже мой, что ты всё на «вы», ведь мы знаем друг друга столько лет...

Щелчок, шелест. И тут до Гошки дошло! Ну конечно! Какие они дураки! Выдумали себе привидение, а ещё дети двадцать первого века! Между прочим, диктофоны сейчас в каждом телефоне есть!

Гошка на цыпочках отошёл от беседки. Может, и стоило продолжить слежку, но новость о тайне призрака разрывала его на части, и надо было срочно поделиться ею с девчонками.

Гелька сидела на крыше сарая и читала «Записки о Шерлоке Холмсе». Вернее, не читала даже — скользила глазами по хорошо знакомому тексту, а мысли её были далеко. Каждый рассказ она знала назубок, знала, кто преступник и как великий сыщик найдёт его. А вот преступника, укравшего коллекцию картин из их дома, искать некому. Васильчиков разводит руками и вытирает сухой лоб платком в клеточку. Тоже мне! А ещё следователь...

Гелька вздохнула и перевернула страницу. Рассказ о шести Наполеонах она особенно любила.

— У вас есть в запасе что-нибудь замечательное? — спросил наконец мой приятель.

— О нет, мистер Холмс, ничего особенного.

— Расскажите нам, однако!

— Ладно, мистер Холмс; не стану отрицать, что у меня есть кое-что... Впрочем, это такая нелепая история, что я не решаюсь докучать вам ею. С другой же стороны, при всей нелепости, она престранная, а я знаю, что вы любите всё выходящее из ряда. Но, по-моему, это будет скорее по части доктора Ватсона, чем по нашей.

— Какая-нибудь болезнь? — полюбопытствовал я.

— Во всяком случае, безумие, и предиковинное. Вы едва ли поверите, чтоб в наше время кто-нибудь мог питать непримиримую ненависть к Наполеону I и разбивать вдребезги каждое его изображение, подвернувшееся под руку.

Шерлок откинулся на спинку кресла.

— Это в самом деле не по моей части, — согласился он.

— Совершенно верно. Я так и говорю. Но когда человек совершает кражу со взломом с целью уничтожения не принадлежащих ему бюстов, тут уж требуется не доктор, а полицейский.

Холмс снова выпрямился.

— Кражу со взломом! Это становится интереснее. Расскажите-ка мне подробнее.

Шесть Наполеонов, шесть Наполеонов, кража со взломом... А что если... Хотя уж слишком по-книжному получается! Но всё-таки... Что если дело не в картинах? Точнее, не в изображениях? Додумывала свою гипотезу Гелька уже на ходу.

Сначала она зашла в Комнату-без-углов. Здесь висела только одна картина, с морем. Её Митенька и рассматривал с обратной стороны, когда Гелька застала его однажды за этим занятием. Гелька сняла картину и тоже стала разглядывать. Ну, рама как рама, самая обычная, совсем простая. Гелька заметила у края рамы царапины. Кто-то пытался её вскрыть? Но тут в комнату ворвался Гошка.

— Ты не представляешь!

— А?

— Нет никакого призрака! И не было! Это диктофон! Просто запись! Он разговаривает с диктофоном, можешь себе представить?

— Кто?

— Старик с мячиком! Я следил за ним полдня! Ходит по посёлку, разговаривает, нажимает на кнопочку, а эта Аделаида Петровна ему отвечает, потому что у него запись! На диктофон!

— Ничего себе... сколько же лет записи? Как он смог в то время записать её голос?

— Ну, мы не знаем, когда именно он записал...

— Надо Енеше рассказать, — решила Гелька и вздохнула: ну где же Антон?

Енеша выслушала их очень внимательно. Покусала губу, полезла в свой ящик комода и достала оттуда лист бумаги, свёрнутый вчетверо.

— Вот, — сказала Енеша, разворачивая его. — Нашла на чердаке, ещё не успела вам показать.

Гошка с Гелькой склонились над старой афишей.

— Аделаида Петровна... — прошептала Гелька.

— Значит, она была актриса...

— И фамилия такая красивая — Мерцалова, — вздохнула Енеша. — Да и имя тоже.

— Интересно, — заметил Гошка. — Что эта афиша делает у нас на чердаке?

— Да мало ли! Может, художник Мухин любил театр. Или эту Аделаиду.

— Кстати, — съязвила Енеша, — ошиблась ты, Гелечка. Получается, старик с мячиком был влюблён совсем не в бабушку, а в Аделаиду. Ходит и слушает её голос, с ума сойти!

— И значит, он точно главный подозреваемый, — заключил Гошка.

— Почему именно он? — не поняла Гелька.

— Ну не библиотекарь же!

— Не будем забывать про Митеньку, — сказала Енеша, и Гошка с Гелькой переглянулись. Неужели всё, «прошла любовь»?

Енеша сделала вид, что их многозначительных взглядов не заметила.

*Глава восемнадцатая,
в которой заброшенный дом зажигает окна,
а старик с мячиком
показывает своё истинное лицо*

— Гелька... Гелька, проснись!

Гелька открыла глаза, посмотрела в темноту невидящим взглядом и перевернулась на другой бок.

— Гелька!

Её затормошили за плечо сильнее и даже как-то сердито.

— Да вставай ты, балда!

— Сам балда! — сначала сказала Гелька, а потом уже села в постели и начала разбираться, кто это тут нахальничает.

— Ну наконец-то! — на краю кровати сидел Гошка.

— Ты чего не спишь? — не поняла Гелька.

— Дело есть. Пошли. Только тихо.

Гелька вздохнула. Она знала, что от Гошки так просто не отвяжешься. Пришлось вставать, натягивать шорты и футболку.

— В заброшенном доме свет, — сказал Гошка.

— Чего?!

— Угу. Я Джетро перед сном выгуливал, прошёлся до озера, обратно иду, а там одна ставня покосилась и свет пробивается, электрический.

— Да ну, — не поверила Гелька. — Там даже проводов никаких нет.

— Вот именно! Проводов нет, а свет есть! Ещё вопросы будут?

— Будут. Ты меня зачем разбудил?

Гошка уже тоже сомневался, что это хорошая идея.

— Ладно, можешь дальше спать, я и без тебя схожу. Всё там разведую, а ты спи, спи.

И он, сунув руки в карманы, пошёл к двери.

— погоди! — встрепелась Гелька. — Я с тобой! А Енеша?

— Ага, ты ещё Матвейку прихвати, — проворчал Гошка.

— То есть я как Матвейка, да? — подала голос Енеша с соседней кровати. — Ладно, Гошенька, я тебе припомню!

Втроём они прокрались через полдома на заднее крылечко. От забора отделился лоскут темноты, превратился в Джетро, ткнулся холодным носом в Гелькины колени — соскучился. Гелька потрепала пса между ушами. Через калитку идти не решились, вдруг бабушка на веранде сидит в своём кресле-качалке и в небо смотрит, вон сколько звёзд. Или соседи увидят, тоже потом замучаешься объяснять, куда и зачем ходили.

Джетро тихонько тявкнул и юркнул в дыру под забором.

— Умница пёс, — в очередной раз восхитился Гошка и полез через забор. Гелька и Енеша перепорхнули следом.

Дорога к заброшенному дому глубокой ночью — то ещё приключение! Енеша всё время ойкала и хватала Гошку за руку. Гелька сердилась, шикала на сестру. И, кажется, ни-сколько не боялась. Джетро тоже не боялся, бегал от куста к кусту, нюхал траву, убегал вперёд, возвращался, загнал двух кошек на дерево и чуть не поймал мышь. Ночь была тёплая, звёздная, с тонким месяцем в небе.

— Тс-с-с! — сто пятый раз сказала Гелька, когда они вышли на тропинку, ведущую к дому.

И сразу же поняли, что Гошка не ошибся. Из-под покосившейся ставни и впрямь выбивалась тонкая полоска света. Бесшумно они пробрались ближе. К дому подходили заросли кустов, и ребята спрятались в них, а потом, осмелев, перебежали к самому окну. Стараясь не дышать, заглянули в щель между подоконником и ставней. Стекло было выбито, так что они не только всё видели, но и слышали.

Посреди комнаты стояли стол и скамейка, на скамейке сидел незнакомый белобрысый парень. На нём были мешковатые спортивные штаны, толстовка и кепка. Он крутил ручку большущего фонаря, который стоял на столе и освещал комнату не хуже лампы дневного света. А напротив парня, вполоборота к окну, стоял высокий дядька. В кепке и с бородой, странно одетый, в какой-то пиджак, который был ему то ли мал, то ли просто модный. И хотя от кепки на лицо падала тень,

не узнать его было невозможно. Тот самый старик! Только разговаривал он сейчас странно: голос вроде бы его, а вот слова и интонация...

— Ну ты чё, а? Я ж сказал: всё будет, не бойсь! Дед сказал — Дед сделал, а то! Найдём, у меня инфа проверенная. Так что это, давай сиди тут, не высовывайся, понял?

Ребята переглянулись. Гошка приложил палец к губам: тихо!

— Так, короче, я сказал, чтоб ты меня больше не дёргал, а то я так дёрну!.. Ты Малому звонил?

— Звонил, звонил.

— Катер чего?

— Да давно готов, неделю здесь квасимся, скоро пошлёт нас Малой...

— Я пошлю, я ему пошлю! Во вы у меня где все!

Дед-Старик сжал пальцы в кулак (Гелька с удивлением увидела, какие они тонкие, нежные, будто у скрипача) и потряс им в воздухе. Всё это было похоже на какой-то дурацкий, неправдоподобный спектакль.

— Всё, хорош базарить. Пацана лучше ищите. Завтра приду. Пожрать принесу.

Гошка молча показал на дорогу: уходим. Но Гелька покачала головой и присела в тень кустов, зажав между коленями Джетро и гладя его по голове, чтобы тот не вздумал рычать. Гошка и Енеша тоже спрятались. Они дождались, когда Дед-Старик спустится с покосившегося крыльца и пройдёт мимо них. Старик шёл устало, то и дело передёргивая плечами,

будто от отвращения, и вдруг остановился, закрыл ладонями лицо, постоял так минутку, посмотрел на звёзды и двинулся дальше.

— Чего это с ним? — удивилась Гелька и тут же замолчала, потому что старик резко повернулся в их сторону, насторожился, прислушался.

Ребята замерли в своём укрытии, боясь пошевелиться.

— Кто здесь? — спросил старик.

Он подождал ещё немного и двинулся своей дорогой.

— Вам не показалось... — начала было Гелька.

— Что?

— Нет, ничего. Просто...

Гошка смотрел вслед старику и думал, что надо бы идти за ним, проследить, где он живёт, и вообще. Но почему-то даже предлагать такое было страшновато, всё-таки их тут целая банда. И Гелька тоже смотрела старику вслед, но думала о своём. Вопрос «Кто здесь?» он задал совсем другим голосом. Тоже знакомым, но другим.

— Слушайте, а про пацана он сказал... это про Антона? Значит, Антон не у них? — спросила Енеша.

— Может, и не про него вовсе... — отозвался Гошка.

*Глава девятнадцатая,
в которой ДА вычисляет преступника,
Уильям Тёрнер раскрывает бабушке глаза
и появляется Аделаида Петровна*

Матвейка сидел на заднем крылечке и разглядывал лист бумаги, который он вытащил из-под фотографии. На листе была нарисована карта.

— Конфетный риф... — медленно читал Матвейка и водил по листу пальцем. — Диванные скалы...

— А, вот ты где! А мы тебя обыскались. Что делаешь? — к нему подсела Гелька.

Чтобы поместиться на крыльце, она подняла рамку с фотографией, хотела отложить, но взгляд её зацепился за лицо младшего мальчика. Знакомое какое-то лицо... Где-то она его видела. Но вспомнить не получалось. Тогда она посмотрела на лист, который так внимательно изучал Матвейка.

— Карта какая-то... Ты нарисовал?

— Не, я нашёл. В тайнике, — прошептал Матвейка и сделал большие глаза.

А потом всё рассказал: про сэра Тобиаса, про тайник в бабушкиной мастерской и про карту, которая была спрятана в рамке с фотографией. Но Гелька не сильно удивилась. Улыбнулась, побродила пальцем по карте, читая выдуманные названия: Галактика красок, Ватрушечный мыс, Круглая пустыня...

— Погоди, — сказала она, — что-то мне это всё напоминает... Сиди здесь, никуда не уходи, а я Гошку с Енешей позову, ладно?

Через минуту все трое обступили Матвейку и принялись разглядывать карту.

— Какие смешные названия, — улыбнулась Енеша.

— Интересно, во что они играли? — спросила Гелька.

— Это же бабушкин дом! — догадался Гошка. — Круглая

пустыня — Комната-без-углов, а Галактика красок — мастерская!

— Ой, правда! Ватрушечный мыс...

— Кухня!

— А в Сонном море сейчас Музейная!

— Наверное, бывшая спальня!

Матвейка слушал их с интересом. Всё-таки это была его находка.

— Вот бы узнать, кто карту нарисовал... — задумчиво проговорила Енеша и взяла в руки фотографию.

— Ой!

— Что?

— Он на Митеньку похож, правда? — она ткнула пальцем в младшего мальчика.

— Точно! — стукнула себя по лбу Гелька. — А я не могла сообразить, кого он мне напоминает!

Они опять уткнулись в фотографию, а потом переглянулись, и Енеша повторила:

— На Митеньку похож...

— Думаешь, он? — почему-то шёпотом спросила Гелька.

Гошка помотал головой.

— Нет, фотография совсем древняя, Митенька не может быть таким старым. Он нас всего лет на десять старше.

— На двенадцать, — поправила Енеша, которая давно выяснила точный возраст Митеньки, а также его дату рождения и знак Зодиака.

— Тогда, может, это его отец?

— Или дядя?

— И значит, Митенька...

— Родственник художника Мухина!

— Значит, это всё-таки он...

— Украл картины!

— Похитил Антона!

Они вскочили и бросились в дом.

— Эй, отдайте! — закричал им вслед Матвейка. — Моё! Я нашёл!

Бабушка и Митенька были в Комнате-без-углов, когда ДА почти в полном составе ворвалось в дом.

— Дети! — крикнула бабушка, услышав их топот. — Идите пить чай! Я пирожки испекла! С малиной!

Она сидела в кресле с чашкой чая в руке, а Митенька стоял перед картиной, которая висела над пианино, и смотрел на неё с такой любовью, будто это был его новорождённый сын.

— Какой всё-таки прекрасный, прекрасный художник Мухин, просто великолепный! Какие краски, какой оригинальный сюжет! — восхитился он.

А бабушка выпрямилась в кресле и сказала таким голосом, какого дети у неё никогда не слышали:

— Вы не искусствовед.

— Ч-что?

— Вы не искусствовед.

Кто вы такой вообще?

— Ольга Львовна, помилуйте! Я же вам предъявлял, я документы, да я и сейчас могу принести, удо-

стоверение, Третьяковка, я научный сотрудник, я же...

— Да что вы? — с таким сарказмом сказала бабушка, что Митенька заметно побледнел. — И что же, научный сотрудник Третьяковки не узнаёт эту картину? Да её даже дети знают!

И Ольга Львовна посмотрела на внуков. Они растерянно переглянулись.

— Дети?

Митенька стал пятиться к открытому окну.

— Тёрнер! Уильям Тёрнер, «Утро после кораблекрушения». Вы издеваетесь? Это же известная картина! Я сделала копию сто лет назад ещё! Не узнаете? Научный сотрудник!

Митенька в два прыжка оказался

у окна, перемахнул через подоконник и рванул прямо по грядкам к калитке.

— Стой! — крикнула бабушка, а Гошка и Гелька, мешая друг другу, бросились на крыльцо.

Однако убежать Митеньке не удалось. У калитки его задержал старик с мячиком. Он крепко держал Митеньку за локоть и что-то говорил. За его спиной стояла величественная дама. На даме были умопомрачительное платье до земли, шляпа с широкими полями, кружевные перчатки, а в руках она держала закрытый зонтик-трость. Неудивительно, что Енеша не могла оторвать от неё глаз. Честно говоря, никто не мог.

А потом из-за её спины выглянул Антон.

Дама в шляпе, Антон, старик с мячиком и Митенька подошли к крыльцу, и дама сказала:

— Давайте знакомиться. Это Павел Ильич, — она указала на старика. — А я Аделаида Петровна Мерцалова.

Старик кашлянул, и дама усмехнулась:

— На самом деле меня зовут Дарья Петровна, а фамилия моя — Мухина.

— Так вы — Даша? — ахнула бабушка и жестом пригласила всех войти в дом. — Та самая Даша Мухина? Я же вас только по фотографиям знаю...

— Ну да, — засмеялась Аделаида Петровна. — Не очень сценическое имя, вот и взяла псевдоним.

— Пётр Яковлевич так следил за вашим творчеством, собирал все интервью в журналах, в газетах...

Аделаида Петровна, то есть Дарья Петровна, вздохнула. Они зашли в Комнату-без-углов и расселись кто где.

— До сих пор горько, что я не успела с ним попрощаться... Была на гастролях в Сиднее и...

— Да, ваш брат говорил, я помню.

Все замолчали. Митенька сидел у стола, спрятав лицо в ладони.

— Простите, — сказала Дарья Петровна. — У вас, наверное, море вопросов.

— О да! — ответила бабушка.

— Я вас понимаю. Вы почти выплатили моему брату деньги за дом, а тут является его сын и...

— Так вы сын Макса Петровича? — изумилась бабушка. — А я всё думаю, кого вы мне напоминаете!

— Ну, напоминает он вам, скорее всего, Николая, нашего младшего брата. На отца Митя совсем не похож.

Митенька дёрнул плечом, пробормотал:

— И слава богу!

Все подождали, но Митенька не поднимал лица и не говорил ни слова.

— Всё-таки я не понимаю... — осторожно начала бабушка Лёля. — Зачем было красть картины?

— Конечно! — посмотрел на неё Митенька. В голосе его было столько горечи, что у Енеши опять затрепетало сердце. — Конечно, вы не

понимаете! Не понимаете, что значит жить под ежедневным, ежесекундным гнётом! Со стороны самого близкого, самого дорогого человека — родного отца! Быть зависимым и даже не сметь мечтать... не сметь даже думать о любимом деле! Кем он хотел меня видеть? Финансистом, брокером — боже, я и цифры! Это ужас! А я мечтал о сцене, всю жизнь мечтал! Тётя Даша, вы ведь сами виноваты, я вырос за кулисами вашего театра. Отцу всё моё детство было наплевать, где я и чем занят, зато стоило мне вырасти, и сразу: «Это не тебе решать, кем быть и чем заниматься! У нас семейный бизнес, хватит нам одной актёрки в семье!» И ни копейки! Ни копейки, сказал, не даст, если я не пойду по его стопам! Что мне было делать? Как обрести независимость? И тут меня осенило: клад! Клад, который мне принадлежит так же, как и всем членам моей семьи, клад, карту к которому спрятал мой дед в раме одной из картин! Тётя Даша, что вы молчите?

— Ах, дружок! — воскликнула Дарья Петровна. — Это ведь просто семейная история,

легенда, неужели ты принял её всерьёз? Это смешно и довольно глупо, мой милый.

Митенька театрально рассмеялся.

— Нет, это вы смешны и глупы. Отдали сокровище в руки совсем чужих людей. — Он быстро глянул на бабушку Лёлю. — Простите, Ольга Львовна, но ведь с юридической точки зрения вы нам никто.

— Конечно, — спокойно сказала бабушка. — Но я всё же не понимаю, зачем было красть картины. Ведь вы могли спокойно продолжать жить в доме, пользоваться нашим полным доверием и симпатией и потихоньку искать нужную вам картину. Кто вам мешал?

— Господи! Да вы же и мешали, Ольга Львовна! Вы да Енеша!

— Я?! — воскликнули хором Енеша и бабушка Лёля.

— Вы же ходили за мной по пятам! Глаз с меня не сводили! Ежесекундно экзаменовали на знание всех этих художников, течений, направлений... Боже, да я в жизни столько не читал!

— Хотя какая-то польза, — вставила Дарья Петровна.

— Смейтесь, — горько сказал Митенька. — Смейтесь и презирайте. Я заслужил.

Дарья Петровна покачала головой и ответила довольно сурово:

— Ты поверил в старую детскую игру, выдумку, и ограбил людей, которые хорошо к тебе относились. Ты врал, юлил, ты похитил ребёнка.

— Я бы не причинил ему вреда! — Митенька сложил руки в молитвенном жесте, посмотрел на Антона. — Клянусь, я ничего бы тебе не сделал, сразу бы отпустил, как только нашёл карту!

— У меня есть карта, — сказал Матвейка, но его никто не услышал.

— А ведь была тысяча других способов решить эту проблему, Митя, — покачала головой Дарья Петровна. — Ты мог бы поговорить с отцом...

— Будто я не говорил! Он ничего не хочет слышать!

— Ты мог бы поговорить со мной.

Митенька молчал.

— Мог бы устроиться на работу, в конце концов. В тот же театр, рабочим сцены или гримёром. У тебя, как я поняла, отлично получается работать с гримом.

Все посмотрели на старика.

— Хмг, но почему я? — спросил старик с мячиком. — Чем я заслужил быть... э-э-э... главным злодеем в твоей пьесе?

— У вас просто такое выразительное лицо... И мне было проще всего вас сделать, я хорошо вас знаю, изучил вашу мимику, жесты, голос. Борода опять же и брови — хорошая маскировка. Простите. Я не знал, что вы тоже приедете!

— Потому что я заподозрила неладное, когда ты пропал после скандала с отцом! И попросила Павла мне помочь.

Дарья Петровна ласково посмотрела на старика.

— Поженитесь уже, — фыркнул Митя и опять спрятал лицо в ладонях.

Все неловко замолчали. Старик покачал головой:

— Удивительно, как мы с тобой ни разу не встретились... ни в моём старом доме, ни в посёлке. Особенно когда ты был в гриме. Любопытная вышла бы встреча.

Митенька дёрнул плечом, но ничего не ответил. Гошка, как в школе, поднял руку.

— Можно спросить? — он посмотрел на старика. — Павел Ильич, а вот вы всё время какие-то разговоры слушали. Это вы на диктофон когда-то записали, как с Дарьей Петровной разговаривали, да?

— О! Вы и об этом догадались! — изумился Павел Ильич и смутился, даже покраснел. — Я был так влюблён в Дашу, что старался ходить на все её спектакли. А потом она уехала на год в Сидней, вернулась ненадолго и укатила в Америку... Вот после Сиднея я и стал ходить на её спектакли

с диктофоном. Чтобы хоть голос её был со мной.

— Паша! — ахнула Дарья Петровна.

— Прости, я очень скучал, а звонить ты забывала, а я не хотел навязываться... Зато мог слушать твой голос. Я даже сделал нарезку из фраз, будто ты со мной разговариваешь.

Дарья Петровна покачала головой, а бабушка спросила:

— А окно в моей мастерской вы зачем разбили?

— Окно? — изумился старик.

— Да, тяжёлым таким мячиком. У меня чуть сердце не остановилось, когда он в мастерскую влетел!

— Зачем мне бить окна! — возмутился Павел Ильич.

— Это я разбил, — подал голос Митенька. — Хотел проверить, нет ли сигнализации, да и вообще... посмотреть, как вы отреагируете.

Бабушка Лёля и Дарья Петровна одинаково покачали головой. Потом бабушка спросила:

— Про какую карту вы говорите? Из-за чего весь сыр-бор?

— Ах, глупости и пустяки! Знаете, это моя вина... я с детства рассказывала Мите об этом доме, о сокровищах, что хранятся в нём, но я имела в виду папино творчество и наше детство, воспоминания. Когда мы были детьми, мы играли с братьями в поиски сокровищ, рисовали карты дома, придумывали разные названия комнатам. Боже ты мой, да этих карт штук десять, а то и больше! Я даже предположить не могла, что племянник поймёт меня превратно!

Митенька застонал в отчаянии:

— Какой я осёл!

Гелька хотела сказать, что он не только осёл, но и преступник, но посмотрела на Енешу, Дарью Петровну, бабушку и промолчала.

— А картины? — спросила Ольга Львовна. — Где же они?

— Они в порядке! — поспешно сказал Митенька. — Честное слово, ни одна не пострадала, я был очень аккуратен!

Гошка вспомнил осколок пирата с попугаем, вздохнул и тоже промолчал. Зато Павел Ильич молчать не стал:

— Как ни крути, мой дорогой, а ты ведь преступление совершил. Да не один, с подельниками. Где они, кстати?

Митенька равнодушно пожал плечами:

— Разбежались. Устали ждать у моря погоды.

— Скажи спасибо, что они не причинили вреда этому отважному парню.

Все посмотрели на Антона.

Бабушка Лёля вздохнула:

— Антоша, где же ты был? Что с тобой приключилось?

*Глава двадцатая,
в которой рассказывается,
что случилось с Антоном*

Антон всегда знал: конспирация — не его конёк. Но Митенька заметил слежку так быстро, что было даже обидно. Сначала всё шло неплохо. Митенька с утра сходил за хлебом и молоком, потом на озеро, искупался там, причём плавал он в одиночестве куда увереннее, чем при всех, до середины озера доплыл и без перерыва — назад! Антон прятался в кустах и завыдовал: жара стояла с самого утра, и купаться хотелось ужасно.

Потом Митенька без дела шлялся по посёлку, висел на турнике безвольным мешком, бродил по роще. Антон уже подумывал сделать перерыв в этой глупой слежке и сбегать искупаться, всё равно ничего такого Митенька не делает и ни с кем подозрительным не встречается, как вдруг в бок ему ткнулось что-то твёрдое и холодное. Очень неприятное.

— Тихо. Молчи и иди вперёд.

Митенька! Как ему удалось подкрасться так незаметно?

— Э-э-э-э... куда идти?

— Вперёд, вперёд, — засмеялся Митенька. — А то весь день я впереди, а теперь ты побудешь.

— Я искупаться хотел... — попытался выкрутиться Антон.

— Ага, и в магазин за этим со мной потащился. Иди давай! — пистолет (ну а что же ещё?!) выразительно ткнулся в бок. И стало очень, очень страшно. Прямо до тошноты. Ни на одной скальной стене так страшно не было... Антон скосил глаза, пытаясь разглядеть оружие, но Митенька тут же опустил пистолет и спрятал в карман.

— Лучше по-хорошему, правда? Идут два человека, почти приятели, разговаривают о том о сём, непринуждённо так...

Но в локоть его Митенька вцепился крепко. Так они прошли мимо Антонова дома и мимо дома художника. Может, если закричать, Гошка услышит и выбежит на помощь?

Но Антон не закричал. Потому что Митенька тоже был не дурак, хоть и притворялся. Когда мимо их дома проходили, он сжал Антону локоть и зашипел ему в ухо:

— Только вякни, руку сломаю.

И Антон уже не сомневался: ломает.

Прошли берёзовую рощу, и Антон понял, куда его ведут. В заброшенный дом. И никакая Аделаида Петровна им не помеха! Таких, как Митенька, наверное, даже призраки боятся.

Но в дом Митенька не пошёл, а нырнул в ветхую сараюшку у поваленного забора. Там он подобрал с пола верёвку, связал Антону руки и, морщась, всунул ему в рот скомканную тряпку. И зачем-то сказал:

— Прости. Самому ужасно неприятно всё это, но я не вижу другого способа заставить тебя молчать и слушаться.

Антон замотал головой, замычал. Митенька страдальчески свёл брови. Ух как его ненавидел в эту минуту Антон! Но потом произошло такое, что даже он затих. Митенька подошёл к покосившейся полке, над которой висело

треснутое зеркало, и взял с неё какую-то коробку. Он стоял спиной к Антону, и тот не мог видеть, что Митенька делает. Но когда он развернулся, Антон чуть не проглотил свой кляп. На него смотрел старик! Тот самый старик с мячиком, который любит собак и так ловко выпрыгнул из поезда!

— Пойдём-ка, — сказал заgrimированный Митенька абсолютно стариковским голосом.

Хотя... получается, что это просто его изменённый голос? Антон потряс головой — он совершенно запутался. Два старика бродят по посёлку или один, да и тот не настоящий?

Митенька притащил Антона в заброшенный дом, где их встретил хмурый дядька в линялой футболке. И сам он весь был какой-то выцветший: пегие волосы, бесцветные глаза. Линялый дядька оценивающе оглядел Антона.

— Это, что ли, свидетель? Пришить его, и дело с концом.

Митенька опять преобразился. Только что был такой непоколебимый преступник, холодный и расчётливый, прямо Мориарти, а сейчас

какой-то бандюган местного разлива. Даже лицо у него изменилось до неузнаваемости. И голос.

— Слышь, ты! — завизжал он. — Те чё, больше всех надо? Я буду решать! Иди вон закрой его в пенале, — и толкнул Антона линиялому.

Линялый тоже взял Антона за локоть, только за другой. Больно так. Провёл через две комнаты и впихнул в третью. Захлопнул дверь, заскрипел задвижкой. Антон не выдержал, замычал. Кляп намок от слюны, было ужасно противно. Антон плечом толкнул дверь, а потом заколотил по ней пятками. Прислушался. Тихо. Только шуршит кто-то в углу. Может, мышь, а может, сверчок. Антон ещё раз стукнул по двери ногой. Пятки уже болели, а толку — ноль. Никто не пришёл даже наорать на него. Что, если о нём совсем забудут? И он умрёт тут от голода?

Антон оглядел свою темницу повнимательнее. Комнатушка была узкая, но с высоким, метра четыре, потолком. Не комната, а будто растянутый на два этажа шкаф. Странное место. Зачем делать такую комнату? Или

бывшие хозяева тоже любили воровать детей и картины? По углам пылились коробки, сломанные стулья, пачки газет, перевязанные бечёвкой. Антону стало тоскливо, хоть плачь! Вот говорила ему мама: без телефона из дома ни шагу! А он всё время его забывает... Хотя телефон всё равно, наверное, отобрали бы.

Он ещё раз огляделся — в куче хлама увидел старые оконные рамы. Без стёкол. Только в одной раме торчал острый

осколок. Антон присел на корточки и стал перетирать верёвку. Украли и спрятали? Фигушки! Он отсюда выберется!

В комнате было всего одно окно — под самым потолком. Узенькое-узенькое. Но ему, пожалуй, хватит. Зря он, что ли, столько лет занимался скалолазанием?!

Верёвка лопнула, и первым делом Антон вытащил кляп изо рта. Фу, ну и гадость! Очень хотелось пить.

Ладно, теперь самое главное, чтобы про него и дальше не вспоминали. Дом был бревенчатый, и в этой комнате стены не были обшиты даже фанерой, а по брёвнам залезть любой дурак сможет. Антон добрался до маленького окошка в два счёта. Вылез на крышу. Толстая сосновая ветка нависала прямо над ней. Теперь надо только дождаться ночи и аккуратно спуститься, чтобы никто не заметил.

Он улёгся на тёплой, нагретой солнцем крыше и задремал. А когда проснулся, были уже сумерки. В доме чувствовалась суета, Антон слышал, как Митенька визгливо командует, кого-то торопит.

Антон пытался понять, что происходит, огляделся и вдруг увидел старика! Он шёл к озеру, подкидывая свой мячик. Значит, их всё-таки двое? Точнее, старик и Митенька — два разных человека! Митенька просто переодевается стариком! Чтобы его никто не узнал! Но зачем? И почему именно этим стариком? Антон подумал с минуту и решился. Домой ему дороги нет — там Митенька. А ночевать на крыше совсем не хотелось. Антон

бесшумно спустился по сосне и бросился к старику с мячиком.

Антон догнал его почти у самого озера, схватил за рукав. Сейчас, хорошо приглядевшись, он видел разницу. Этот старик был смуглее, и глаза у него серо-зелёные, а не голубые. Да и смотрел он по-другому.

— Послушайте, — сказал Антон. — Вы сюда зачем приехали?

Старик от такой наглости чуть не поперхнулся черникой, которую, видимо, нарвал по дороге и жевал сейчас. Губы у него посинели от ягод.

— У вас тут живёт кто-то? Или просто? А сами вы где остановились? Ну не молчите! — разозлился Антон. Он ужасно устал и хотел есть.

— Во-первых, здравствуйте, молодой человек. Во-вторых, меня зовут Павел Ильич, а вас?

— Антон.

— Будем знакомы. А то вы всё ходите вокруг да около, даже неловко, что мы друг другу не представлены. Чем обязан таким интересом к моей персоне?

Антон оглянулся. Заброшенного дома отсюда не было видно, его скрывал поворот

дороги, но он расслышал звук подъехавшей на большой скорости машины.

— Пойдёмте, я вам объясню, — сказал он и потянул старика к озеру.

Они обошли поселковый пляж и спрятались за кустами. И тогда Антон всё старику рассказал. Тот помял мячик, потом пробормотал:

— Да, попал ты в переплёт... Но ведь Митя каков, а!

— Вы его знаете? — ошарашенно спросил Антон и попятился.

— Более того, я прибыл сюда исключительно по просьбе его тётушки, которая заподозрила неладное. И не успел помешать ему воплотить свой коварный замысел в жизнь. Но кто мог подумать, что он всерьёз решится на такое!

Старик подкинул и поймал мячик.

— Вот что, — сказал он. — Ночевать будешь у меня, домой тебе возвращаться пока опасно. К тётке твоей я зайду, успокою. И позвоню Даше, она сейчас в Москве. М-да... не ожидал я такого поворота.

Глава последняя,

в которой всё так или иначе устраивается

— Как грустно разочаровываться в людях, — вздохнула бабушка, и Енеша тихонько всхлипнула. Бабушка погладила её по спине. — Но это полезный опыт, моя милая.

— Да уж, — фыркнула Гелька. — Будешь поменьше влюбляться во всяких там... — и покосилась на Дарью Петровну.

Они сидели на веранде. Сгущались сумерки. Звенели сверчки. Дарья Петровна, сменив своё роскошное платье на самое обычное, стала похожа на бабушкину подружку-соседку, зашедшую на чашку чая. Митя закрылся у себя в комнате.

— Он хороший мальчик, — сказала Дарья Петровна. — Просто несчастный, избалованный и немного запутался.

— Немного?! — возмутился Антон.

— Прости, Антон, тебе, конечно, досталось больше всех. Даже не представляю, что ты пережил. Прости.

— Это он должен просить прощения, — буркнул Гошка.

— Но и я тоже. Я, сама того не желая, подарила ему сказку о сокровищах, внушила ложную надежду.

— Что с ним теперь будет? — спросила Енеша.

— Завтра вызовем Васильчикова, объясним ситуацию. Ну и передадим преступника из рук в руки.

Все повздыхали.

— Может, не надо? — сказала вдруг бабушка. — Все картины вернулись в целости и сохранности... Это было поучительное приключение. Я не держу на него зла. Он и правда хороший мальчик.

Павел Ильич хмыкнул, а Дарья Петровна покачала головой:

— Боюсь, получится медвежья услуга. Всё-таки он совершил преступление. И не одно. Нельзя закрывать на это глаза.

— Жалко такой талант, — сказала бабушка. — Он ведь и правда гениальный артист. Ребята видели его в разных образах и не узнали.

— Да... увы, я его не разглядела вовремя. Я бы смогла убедить брата, чтобы он дал Мите возможность выбрать свою дорогу. Макс, мой брат и отец Мити, такой категоричный и такой весь... суровый. У них в доме всё по правилам, по режиму, как в лагере, честное слово. Никогда не пошутит с мальчишкой, не поговорит по душам. Но воспитание же не сводится к одним только правилам, вы согласны?

Все усиленно закивали.

— Я, когда могла, забирала Митеньку к себе, но ни Макс, ни его жена это не одобряли. Говорили, что я сбиваю ребёнка с пути.

— Да уж, — фыркнул Павел Ильич.

— Макс весь в отца, такой же упрямый!

Бабушка Лёля возмутилась:

— Пётр Яковлевич совсем не был упрямым!

— Был, был, вы просто не знаете. Вот запретил нам с Пашей пожениться, говорил, что молоды, говорил, что у Паши нет нормальной профессии, говорил, что... Ах, уже и неважно! И меня не хотел в театральный отпускать.

— Не может быть! — ахнула бабушка Лёля. — Он так вами гордился!

— Ну... это потом, когда я уже стала довольно известной актрисой, но он долго в меня не верил.

Бабушка встала. Лицо её выражало решимость сделать очень важное заявление.

— Знаете что? — сказала она. — Если обещаете, что поможете ему поступить в театральное училище, я не стану писать на него заявление. Пусть будет на одного хорошего актёра больше!

Енеша захлопала, но Дарья Петровна покачала головой, а Павел Ильич сказал:

— Нет, нельзя так. Он должен научиться нести ответственность за свои поступки. Да и потом... следствие ведь уже идёт... Но вы можете выступить на суде в его защиту. Или как это делается, Даша?

— Надо проконсультироваться с адвокатом...

Дарья Петровна вздохнула и посмотрела на звёздное небо. А потом запела глубоким, поставленным голосом:

— Целую ночь соловей нам насвистывал, город молчал, и молчали дома...

— Белой акации гроздья душистые, — подхватила бабушка Лёля, и дальше они запели вместе: — Ночь напролёт нас сводили с ума...

Они пели дуэтом, а под крыльцом подпевали сверчки, и звёзды светили так ярко и близко, и это было очень красиво.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая,
в которой Крымовы приезжают на дачу,
а бабушка Лёля рассказывает истории 4

Глава вторая,
в которой Гошка рассуждает о похожести,
сидит на крыше и пожимает руку,
а потом лапу 13

Глава третья,
в которой близняшки ссорятся,
Матвейка смотрит поезда, а в посёлке
появляется странный старик 24

Глава четвёртая,
в которой незнакомый старик очень быстро бежит,
Матвейка спасает положение,
а Джетро находит нечто интересное 32

Глава пятая,
в которой ребята анализируют,
а бабушка выходит из себя 42

Глава шестая,
в которой неизвестный ценитель прекрасного
начинает работу, а Енеша теряет голову 54

Глава седьмая,
в которой сэр Тобиас берётся
за виолончель, а Матвейка делает
удивительное открытие 61

Глава восьмая,
в которой бабушке прописывают успокоительное,
Митенька рвёт на себе волосы,
а ТУ превращается в ДА 67

Глава девятая,
в которой приезжает следователь Васильчиков,
Гошка подслушивает,
а Антон становится главным свидетелем 77

Глава десятая,
в которой Енеша перечитывает журнал
и устраивает склад улик, а Гелька знает,
что она ничего не знает 85

Глава одиннадцатая,
в которой Гошка ползает на коленях,
Гелька наблюдает,
а Митенька хвалит Матвейку 93

Глава двенадцатая,
в которой Антон и Джетро следят
за таинственным стариком, Митенька
подсказывает, а Енеша рисует план посёлка 102

Глава тринадцатая,
в которой Енеша рассматривает
старую афишу, а Гелька устраивает допрос 115

Глава четырнадцатая,
в которой подозревают всех,
ДА вырабатывает план,
а Гелька придумывает романтическую историю 123

Глава пятнадцатая,
в которой следствие заходит в тупик,
Митенька оправдывается,
а ДА наказывают чтением 132

Глава шестнадцатая,
в которой Гошка задаёт прямые вопросы
и получает прямые ответы 145

Глава семнадцатая,
в которой Матвейка находит ещё один тайник,
Гошка раскрывает тайну призрака,
а у Гельки возникает гипотеза 150

Глава восемнадцатая,
в которой заброшенный дом зажигает окна,
а старик с мячиком показывает своё истинное лицо 158

Глава девятнадцатая,
в которой ДА вычисляет преступника,
Уильям Тёрнер раскрывает бабушке глаза
и появляется Аделаида Петровна 166

Глава двадцатая,
в которой рассказывается,
что случилось с Антоном 183

Глава последняя,
в которой всё так или иначе устраивается 192

A black and white line drawing of a spiral-bound notebook. The spiral binding is at the top, consisting of a series of loops. The notebook has a simple rectangular border. The title is written in the upper center of the cover.

ДНЕВНИК ЮНОГО СЫЩИКА

A black and white line drawing of a spiral-bound notebook. The spiral binding is at the top, consisting of a series of loops. The notebook is open, showing two blank pages. The title is written on the top page.

ДНЕВНИК ЮНОГО СЫЩИКА

A hand-drawn illustration of a spiral-bound notebook. The spiral binding is at the top, consisting of a series of loops. The notebook is open, showing a blank page on the left and a page with text on the right. The text is in a bold, sans-serif font. The drawing is simple, with black outlines and no shading.

ДНЕВНИК ЮНОГО СЫЩИКА

A black and white line drawing of a spiral-bound notebook. The spiral binding is at the top, consisting of a series of loops. The notebook has a simple rectangular border. The title is written in the upper center of the page.

ДНЕВНИК ЮНОГО СЫЩИКА

A black and white line drawing of a spiral-bound notebook. The spiral binding is at the top, consisting of a series of loops. The notebook has a simple rectangular border. The title is written in the upper center of the page.

ДНЕВНИК ЮНОГО СЫЩИКА

A black and white line drawing of a spiral-bound notebook. The spiral binding is at the top, consisting of a series of loops. The notebook has a simple rectangular border. The title is written in the upper center of the cover.

ДНЕВНИК ЮНОГО СЫЩИКА

Литературно-художественное издание
Для младшего и среднего школьного возраста
Маркировка согласно Федеральному закону № 436-ФЗ: 6+

МИХЕЕВА Тамара Витальевна ТАЙНИК В ДОМЕ ХУДОЖНИКА

Иллюстрации *Екатерины Варжунтович*

Генеральный директор *Наталья Эйхвальд*
Главный редактор *Анна Осташевская*
Ведущий редактор *Ольга Степанянц*
Технический редактор *Лина Сон*
Литературный редактор *Татьяна Бобрецова*
Художественное оформление и вёрстка *Елена Кураш*
Корректоры *Евгения Якимова, Зоя Скобелкина*

В книге цитируется рассказ Артура Конана Дойля
«Приключение шести Наполеонов» в переводе Александры Линдегрэн,
а также романс «Целую ночь соловей нам насвистывал...»
(автор слов Михаил Матусовский).

ООО «Издательский дом «Пять четвертей»
115419, Москва, 2-й Рощинский проезд, дом 8, строение 4
fivequarters.publishing@gmail.com

Ищите нас в социальных сетях:

По всем вопросам, связанным с приобретением книг издательства,
обращаться в ТФ «Лабиринт»:
8 (495) 780-00-98; www.labirint.org

Подписано в печать 17.09.2020.
Формат издания 70×100/16 (160×230 мм).
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,9
Тираж 5000 экз.

Произведено в РФ. Дата изготовления 10.10.2020.

Срок годности не ограничен.

Заказ №В-634.

Отпечатано в типографии филиала
АО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, Россия, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

дом Антона

дом художника Мухина

станция

ул. Луговая

